

Юрий Безелянский

ЖИЗНЬ из последних сил

Воспоминания
и дневник
москвича

Книга четвертая |
2011–2022 годы

Воспоминания и дневник москвича

Юрий Безелянский

**Жизнь из последних
сил. 2011–2022 годы**

«У Никитских ворот»

2023

УДК 82 (091)
ББК 84 (2Рос=Рус) 929

Безелянский Ю. Н.

Жизнь из последних сил. 2011–2022 годы / Ю. Н. Безелянский —
«У Никитских ворот», 2023 — (Воспоминания и дневник
москвича)

ISBN 978-5-00170-836-0

Возрастной период с 80 до 90 лет - непростой, если не сказать тяжелый. Об этом представлено или рассказано в четвертой книге дневников и воспоминаний, 2011-2022 годы. Хвори, недомогания и даже хирургическая операция. Сужение круга близких и знакомых людей (утраты, отъезды), исчезновение многих творческих площадок - газет, журналов, радио, ТВ. Минимум публичных выступлений и презентаций. И только последняя отдушина - книги. Осуществлены два больших проекта - три тома об эмиграции русских поэтов и писателей и четыре тома дневников и воспоминаний. И еще издано несколько книг. Все вроде бы неплохо, но... Творческую активность снизила пандемия, ко-вид-19, а затем специальная военная операция на Украине. Это уже кошмар. Инфляция, цены и прочие «прелести» западных санкций. Но книги издаются, и это значит, что жизнь продолжается.

УДК 82 (091)
ББК 84 (2Рос=Рус) 929

ISBN 978-5-00170-836-0

© Безелянский Ю. Н., 2023
© У Никитских ворот, 2023

Содержание

Предисловие	5
2011 год – 78/79 лет	6
2012 год – 79/80 лет	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Безелянский

Жизнь из последних сил.

Воспоминания и дневник москвича.

Книга четвертая. 2011–2022 годы

Предисловие

Итак, четвертая книга дневников и воспоминаний завершает жизнеописание одного частного человека, которому привелось жить в XX и XXI веках. Рождение, детство, школа, институт, трудовая деятельность: бухгалтер в конторе Мосхлебторга, редактор в экономическом журнале, обозреватель в Иновещании в Радиокомитете, газета «Лесная промышленность», возвращение в журнал «СПК» и в 60 лет мужественный и отважный бросок в волны свободной журналистики в статусе «фриланс». Беспокойная жизнь пенсионера-добытчика. Отдельные публикации и рубрики во многих газетах и журналах, от московского «Вечернего клуба» до нью-йоркской газеты «Новое русское слово», от «Науки и жизни» до престижного «Космополитена». Выступления на различных каналах радио и ТВ. Поездки по стране, от Бреста до Владивостока. Туристические выезды на Запад: Париж, Рим, Вена, Монтрё – последнее прибежище Набокова в Швейцарии, и т. д. Многочисленные выступления и презентации книг (издано более 40, первая – «От Рюрика до Ельцина»). Короче, успех и некоторая популярность.

Последняя книга четырехтомника (2011–2022) – это трепыхание от 80 к 90 годам. Это тот возраст, когда человек-гуманитарий в основном пребывает на диване, читает газеты, смотрит телек и все. И как говорят в народе: не мычит и не телится. Какие книги?! Слово «сдаюсь» уже произнесено. А я вот не сдаюсь, продолжаю что-то творить, несмотря на самочувствие и нездоровье. Отсюда и название четвертого тома «Жизнь из последних сил». И это не преувеличение, это – горькая реальность. Поэт Глеб Горбовский в моем примерно возрасте называл себя «старой клячей», куда, мол, прешься, все места в литературе схвачены и оплачены. Возможно. Но мне ближе завет Луция Аннея Сенеки, жившего до нашей эры, воспитателя и советника Нерона: *Vivere est militare* – жить значит бороться. Хромая и спотыкаясь, брести к финалу. Жизнь из последних сил.

А теперь можно раскрыть книгу и познакомиться, вникнуть в подробности, детали одной жизни, приправленные пессимизмом, болью, но и иронией с сарказмом, насквозь субъективная и пессимистическая – такая вот книга. А других писать не умею...

15 августа 2021 г.

2011 год – 78/79 лет

*Искусство – ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!..*

*Александр Блок.
Из цикла «Итальянские стихи», 1909*

14 января – никак не начну дневниковые записи. Не хочется писать, вспоминать, анализировать. Возраст подавливает, и никуда от этого не денешься. Ночью 1-го и 7-го жуткие боли в животе. Лежал и думал: надо вызывать скорую, и представил себе, как повезут в больницу, а там праздники – до больных нет никакого дела. К утру боль утихла. Ще поставила диагноз: газы. Газовая атака под Верденом времен Первой мировой войны?..

Первую неделю года чувствовал себя неважно, какой-то озноб. В общем, болезненно входил в 2011 год. Да и Ще чувствовала себя под стать мне. Эх, где молодые годы, бодрость и резвость, где?! И все же надо вспомнить первые дни, самочувствие самочувствием, а хроника – хроникой.

31 декабря побоялся открыть «Мордовский бальзам» (стоял в шкафу несколько лет) и вынес на помойку, к радости бомжей. Под куранты выпили немного коньяка под красную икорку. И смотрели дурацкую ТВ-программу «Оливье-шоу»: бесформенная Пугачева, хохотун Басков, вульгарная Сердючка. И только одно выступление было хорошим: мировые теноры Каррерас, Пласидо Доминго и Лучано Паваротти. Остальное – голубая муть.

1-го приходил в себя и отредактировал Щекин материал про Беллу Ахмадулину.

Отныне болен ты. Ты не должник
Ни дружб твоих, ни праздничных процессий.
Благоговейно подтверждает Цельсий
Твой сан особый среди людей иных...

2-го вышли в нашу рошу. Легкий морозец и влажный воздух... 3-го не выходил из дома и составлял шпаргалку для своего творческого вечера. 4-го сбивали с крыш сосульки – и грохот стоял страшный. Начал заниматься Добролюбовым (юбилей: 175 лет). 6-го были в гостях у Эдика и знакомились с «новой женщиной» – Юлей из Запорожья... 7-го снова только дома. По «Эхо» разорлся Шендерович: «малина у власти». Приступил к «Моментальным встречам» – Горбачев и др. Гоняли по ТВ старые картины, комедии – столько света, оптимизма, песен, добра и завернутая в фантик пропаганда – «Сердца четырех», «Моя любовь», «Веселые ребята».

8-го выступление в библиотеке Хикмета, 11-го – вечер в МЕОЦе – «О времени, о книгах, о себе». В зале было около 100 человек. Читал даже свои стихи, и зал аплодировал. Организатор вечера Яна: «Вы такой приколыщик». А утром этого дня в «МП» напечатан мой Альфред де Мюссе. Да, в МЕОЦе подписал зачитанный до дыр «Коктейль “Россия”»: принесла читательница из дома. Можно тихонечко гордиться.

12-го давал интервью газете «Мир новостей» по поводу героев книги «Клуб 1932». Пришедшей Маргарите показывал тома календарей и наклеенные вырезки в альбомах, она ахнула: фантастический труд! А на следующий день в «МП» опубликован Бетховен – «Юпи-

тер музыки». 14-го звонил Витенька из Аугсбурга с печальной констатацией о себе: «Пошел развал». А он моложе меня на 13 лет. Какой развал? Публикации идут одна за другой. А тут у Лескова юбилей – 180 лет со дня рождения, а я о нем не писал никогда. Обрадовался будущему знакомству. Обложился разными источниками и запел, как Буратино (актер Литвинов): «Это очень хорошо, даже очень хорошо!..»

26 января – хорошо-то хорошо, да не очень. Террористический акт в аэропорту Домодево: 36 погибших и более 100 раненых. Вливают огромные деньги в антитеррористическую программу, в силовиков, и все без толку. Все приходит в негодность, поржавело и разваливается. Постыдная, жалкая, вороватая власть. Как там у Александра Городницкого в стихотворении «Русский язык»:

Ах, Родина, которой нет прощенья
За черноту ее кровавых дел...

Можно кричать и биться головой об стенку, но что можно изменить? Спасает теория малых дел. Шесть публикаций в январе: 11 – Мюссе, 13 – Бетховен, 14 – Ворчун про зиму, 18 – Павел Васильев, 20 – Мария Миронова, 22 – историк Ключевский...

И жизнь каждого персонажа чему-то учит, а мысли пополняют знание о мире и о бедной России. «Всякое молчание ведет к недоразумению, а всякое недоразумение питает ложь» – Василий Ключевский. А сколько у нас вырвано страниц истории или искажено: Революция, Гражданская война, Голодомор, репрессии, ГУЛАГ, Террор, пакт Молотова – Риббентропа, начало войны и позор отступления, Бабий Яр, Катынь и т. д. и т. д. Все сфальсифицировано, лживо и искажено в угоду Власти... И загубленный талант Павел Васильев, который писал в одном из стихотворений, что «я еду собирать тяжелые слезы страны». И такой поэт великой стране был не нужен...

19-го выступал в библиотеке им. Добролюбова на Смоленской перед учащимися библиотечных техникумов – 40 чел. Был в кураже и, как модно говорить, «зажигал». И заработал букетик: 5 тюльпанов...

20-го довел Лескова до 15,5 стр. А потом взялся за Ворчуна: 150 лет как отменено в России крепостное право. Право отменили, а крепостные, холопы, смерды остались... У Владимира Друка (1957, Москва) есть четверостишие про Мурку:

Мурка задумчиво в небо глядит:
Может быть, там колбаса пролетит?
Мысль, что бывают еще чудеса,
Даже приятнее, чем колбаса.

И весь простой, обделенный и обобранный жадными чиновниками народ в положении Мурки: в ожидании чудес, колбасы и свободы.

17 января – вышел 7-й материал в «МП» – «Подлинный сын Арбата» (Анатолий Рыбаков). Пишу, читаю, перебираю архивы. В журнале «Юность» за 1991 год нашел созвучные мне строки Юрия Левитанского:

Жить среди книг, хотя бы не читая,
Лишь ощущать присутствие вблизи,
Как близость леса или близость моря, –
Вот лучшее из одиночеств...

В порядке отдыха – кусок из фильма «Серенада солнечной долины»: искристый танец Чуча в исполнении очаровательной мартышки (нет, я не расист!) и двух чернокожих ухажеров.

31 января – чем порадовал конец января? 28-го выступал в социальном центре на ул. Альенде. Тяжелая аудитория. Пенсионеры, ветераны, старики, слушают молча, сосредоточенно, и кажется – ничего не понимают. А вечером поехал в ЦДЛ на презентацию книги Феликса Медведева, в афише я подразумевался под «и др.». Ну, и другие выступающие... 30-го не выходил и занимался Врубелем. Когда-то в «Вечерке» Долин похвалил моего Врубеля, чем вызвал негодование у пишущих вечеровников... Кажется, это было в 2006-м.

Вечером 31-го по ТВ картинки охваченного огнем Каира. На площади Тахрир (по которой я когда-то ходил) – танки, стрельба, убитые. Господи, везде одно и то же: насилие – протест – кровь. И сразу в памяти строки Заболоцкого о судьбе Данте:

Так бей, звонарь, в свои колокола.
Не забывай, что мир в кровавой пене.
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла...

А как реагирует на события в Египте «наш всероссийский аятолла», по выражению Евгении Альбац?..

4 февраля – 3-го поход на Вятскую за февральским «Алефом», там – Александр Аронов (1934–2001). Советский еврей с партийным билетом, а как же иначе? Иначе – хана. Аронов был одним из значительных поэтов-шестидесятников, и тем не менее оставался самым неизвестным из них. Вот и меня знают и не знают. Если нет скандалов, то и не заметят... «Читаешь и пишешь – и что же ты плачешь?..» – задавал поэт сам себе вопрос. Грустные стихи писал Аронов, а какие они могут быть в стране, где «Спляшут на костях, / Бабу изнасилуют, / А потом – простят. / А потом – помилуют...»

Газетный очерк – зарисовка-эссе об Аронове потом вошла в книгу «Опасная профессия: писатель» (2013). Бедный Аронов, он молил:

Скользить, исчезнуть, не проснуться.
Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.

3-го встретил Евсеева и Михайлова, основателей ВК, выглядели потерто и старовато, как вышедшие в тираж. Евсеев уже в «Журналистике» не работает. Где теперь? – спросил я. «Потом скажу», – мрачно ответил Евсеев. Вспыхнули и погасли – банальная история. На моей физиономии читалось сочувствие, на их лицах – совсем иное...

13 февраля – в дневнике длинная запись под названием «Пока ничего». Книга не выходит, а 11-го напечатан Ворчун: «Отцы и дети, деды и внуки» о проблемах поколений.

Не заикливаюсь на своей творческой судьбе и слежу за другими персонами. Михаил Козаков борется в Израиле с раком легких. Завершила жизненный путь в 80 лет примадонна оперетты Татьяна Шмыга (в конце жизни узнали, что она на самом деле полька Яна Мицкевич – сколько пропущено подобных национальных мистификаций в «Коктейле “Россия”»!). Автор «Интердевочки» Владимир Кунин жалуется, что о его книгах совсем не пишут, да к тому же все время путают с Акуниным. Отжаловался и Николай Доризо, что «ежеминутно, ежечасно» Дантес «может выстрелить в меня». Очень хочется хотя бы посмертной славы? За эти строки

его высмеял Александр Иванов: «Могу и в Доризо, конечно, какая разница, в кого...» Выстрелил не Дантес, а судьба, рок...

Умерла актриса Лидия Савченко / Люська во «Взрослой дочери» Славкина. Подхалимы славят Константина Эрнста – «он умница и полон амбиций», а эта «умница» губит ТВ пошлыми и вульгарными программами. Ну и т. д. Розенбаум разухабисто поет: «Я всю жизнь пролетаю мимо кассы...»

Гоп-стоп, ты отказала в ласке мне.
Гоп-стоп, ты так любила звон монет...

«Мне-монет» – хорошая рифма. По ТВ в поединке сошлись Венедиктов и бешеный Кургинян, который вопил: «Красный проект еще не закончен!..» В Египте завершилась эра правления Мубарака. И процитирую свою точную фразу из дневника: «Всем надоело гигантское воровство, обман, вранье и золоченое византийство с кремлевскими завитушками...»

И последнее. Ще выступала в кафе у Комраковой по теме «Жена в тени гения». Весьма успешно, но очень устала, побывав в моей шкуре...

15 февраля – в «Московской правде» (надоело писать «МП») опубликована 1-я часть о Николае Лескове, об «очарованном страннике» (1831–1895). Он описывал «маленьких», а не «особенных людей», как у Чернышевского. О «маленьких» и с «просторным сердцем».

Официоз не жаловал Лескова (особенно Катков), и считали, что он «не наш», «совсем не наш». Лесков отмечал: «Меня все топили и не утопили с головою». Он не поддавался давлению, гнул свою линию «христианского гуманизма» и красочно описывал «небывальщину» на Руси. Основную коллизию жизни Лесков видел в вопиющем несоответствии между неограниченными возможностями развития страны, обладающей огромными природными богатствами, и ее нищетой и отсталостью по сравнению с передовыми странами Западной Европы.

«В России что ни шаг, то сюрприз, и при том самый скверный», – говорил Лесков устами одного из своих героев.

В «МП» – Лесков, а в «Новой газете» стихи неизвестного мне Миши Атрошенко:

Жутко на родине, словно на плахе.
Люди мычат только «мэ» или «бэ».
Всюду бандиты, ворье, олигархи
И берегущая их ФСБ...

Что сказать на это? Апофеоз лесковской небывальщины на Руси. Нет, в РФ.

27 февраля – закончил Сергея Прокофьева, 37 стр. Самоподарок ко дню рождения. И мечтания: издать бы книгу «Театр, музыка, балет». На уговоры издателей нет сил.

28 февраля – привезли на дом книгу «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках», 1-я часть, 1950–1989. В мягкой обложке. Самиздатовский тираж – 60 экз. Стоимость набора и печати: 32 тыс. руб. И, увы, опечатки...

2 марта – 79 лет. Куча звонков и четыре из-за рубежа: Нью-Йорк (Людочка), Дортмунд (Наташа), Аугсбург (Черняк) и Тбилиси (Ли́ка).

5 марта – выставка «Коллективное бессознательное. Графика сюрреализма от Де Кирико до Магрита». Как тяжело бывшим совкам, воспитанным на Сурикове и Шишкине, воспринимать безумные фантазии сюрреалистов...

15 марта – наш меценат Эд привез машинку из ремонта и словарь по идишу, и я тут же стал импровизировать:

Ах, писатель, шрайбэр-шрайбэр,
Не летит в ворота шайба,
А летит все не туда, –
Вот такая ерунда...

17 марта – в музее Брюсова Дина Федина представила лирико-музыкальную композицию по моей книге «Тысяча и два поцелуя». Мне не понравилось: приторное сюсюканье. Я выступил жестче...

18 марта – очередной «Ворчун» в «МП»: «Рублевка и Парижская коммуна». Парижская коммуна утвердилась в столице Франции 18 марта 1871 года, продержалась 72 дня и была разгромлена 28 мая. Как написала газета «Монд», «Коммуна была яркой ослепительной вспышкой, временем праздника мечты, которая, едва успев воплотиться в жизнь, была убита». Еще одна вспышка и долго пылавшая – Октябрь 1917 года. Свобода, выродившаяся в диктатуру и власть богатых. Рублевка – это ухудшенный вариант французского Версаля. В день X Рублевку захватят новые коммунары. «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут – и свобода!» – как писал Александр Сергеевич. А после свободы последует новая неволя. Циклы исторического процесса.

Вернусь назад. Что-то пропустил, и надо восстановить. 20 февраля – первая попытка овладеть компьютером. Что-то нажал – и все набранное исчезло. Перефразируя Игоря Северянина, его «Валентину»:

Этот день – с него начало –
Незнакомый мне компьютер,
Начинающий наборщик, –
Сколько страха, сколько сил!..

Ще, как учительница, замучилась со мной. К тому же я упорно называл курсор «луksom» (египетские воспоминания).

К своему 79-летию листал дневник Корнея Чуковского, как он отмечал эту дату в 1961 году: «Встретил этот предсмертный год без всякого ужаса, что удивляет меня самого... Очень интересно отношение старика к вещам: они уже не его собственность. Всех карандашей мне не истратить, туфлей не сносить, носков не истрепать. Все это чужое... И все это знают. И все делают вид, что я такой же человек, как они...»

Нет, у меня таких ощущений, слава Богу, еще нет. Машинка, публикации, книги, выступления – пока я кружусь в этом вихре и не подымаю руки с криком «сдаюсь!...». И выпешедшая изумрудная книжка по цвету в мягкой обложке – «Дневник интеллигента в очках» – меня греет. Хотя книга неполная и много пропущено...

Забавное интервью Познера с губернатором Кубани Ткачевым:

– А сейчас несколько вопросов от Марселя Пруста.

– А что это? Кто это?

– Ну, мой друг, Марсель Пруст.

– А он еще жив? – спросил губернатор.

Из интервью с Людмилой Улицкой («МК», 14 февраля): «...Страх власти, подбострастие, раболепие, власть чиновничья, бюрократическая, мы опять превращаемся в Акакиев Акакиевичей, потому что над нами опять неопределимая, неуловимая, в общем, сатанинская власть».

Грандиозное цунами и землетрясение в Японии, опасность взрыва на реакторе «Фукусима-1»! Японцы мужественно переносят национальную трагедию, а наши патриоты-идиоты радуются: это японцев Бог покарал за требование возврата Курильских островов. Н-да, и трудно комментировать. Смог Белковский: «Мы – русские! С нами – дьявол» («МК», 18 марта).

21 марта – ощущение, что разваливаюсь: то ли весенняя погода, то ли возраст. Нервически реагирую на уходы. Гимнаст Николай Андрианов, 7 золотых олимпийских медалей. Крикливый депутат Виктор Илюхин. Ровесница, член «Клуба 1932», красавица Элизабет Тейлор. Она старела, ее замучили недуги, ей предлагали пластику лица, чтобы избавиться от морщин, а Лиз отвечала: «Я хочу позволить себе роскошь жить со своим настоящим лицом, со своими морщинами и трясущимися руками...» Нет, наши примадонны отчаянно цепляются за молодость и идут на всякие опасные операции, уродуя себя и теряя свое лицо (Пугачева, Гурченко).

Корина уходит из ЭКСМО, причина: отказ делать сборник стихов о вампирах (мои литературные портреты она готовила к печати с удовольствием). Вышел на издательство «Минувшее». Казалось бы!.. Но на все мои предложения последовал ответ: «Почтили бы честь вас издать, но... нет денег!» А тем временем мой изумрудный дневник Наташа увезла в Германию, прочтет круг ее друзей.

Но вернемся к хронике. В телеграфном ключе: ушел из жизни певец Александр Барыкин с популярной песенкой «Я буду гнать велосипед». Все! Велосипед сломался, и колесо куда-то отлетело. Вроде мне Барыкин – чужой человек, а вот как-то от его отсутствия не по себе.

2 апреля – в 75 лет умерла Гурченко. Общее рыдание: «Люся ушла!..»

7 апреля – в «Алефе» на 4 полосах с цветными репродукциями Хаим Сутин...

Рассмешил Стрижев своим возмущением, почему? – по кочану!.. Всегда кому-то чего-то не хватает или недодают. Вот и Александр Блок в 28 лет – в пору цветения – сокрушался: «И стало беспощадно ясно: Жизнь прошумела и ушла».

16 апреля – в «МП» – Сергей Прокофьев. Считаю: «Петя и волк» и «Любовь к трем апельсинам».

19 апреля – в «МП» – Шарль Бодлер. Цветы зла без цветов надежды.

20 апреля – запись в дневнике: «...во рту ералаш, поясницу прихватывает. Какой-то Развалов-Развалюхин-Скокебочинский – боярин эпохи Ивана Грозного. И тут еще любимое “Динамо” буксует. Степашин об игроках: “Полудохлые миллионеры”».

2 мая – допечатал Якова Полонского с прицелом для второй книги «Русские классики». А до Полонского крутил-вертел Аполлона Майкова.

4 мая – закончил маленькую «Жизель» (170 лет со дня премьеры балета Адана по сценарию Теофиля Готье, которому приходилось заниматься журналистикой из-за денег, и он считал

это занятие «невыносимым» и «унизительным»). А я не ропщу. Я пишу... И вышел в «МП» очередной «Ворчун» – с «С чего начинается Родина?». Конечно, с Лубянки и КГБ.

9 мая – за окном пышная зелень, молодая, упругая, радующая глаз. Зацвела черемуха. Казалось бы, гулять и гулять. Ан нет. У меня и у Ще проблемы с нездоровьем.

13 мая – НТВ, программа о Горбачеве: споры, крик. 28% высказались, что Михаил Сергеевич – великий реформатор, 72% – что могильщик СССР. И подобный разлет мнений по многим вопросам.

14 мая – выступил в Тургеневке перед объединением КЛИО на тему «Рассвет и закат Серебряного века».

18 мая – Макаренков («Рипол-классик») заявил: «Книжный рынок мертв. Если хотите, то забирайте свой “Коктейль “Россия” назад». А я, несмотря на плохое самочувствие, занимался хроникой 90-х. Ще: «Ты как заболеешь – работаешь как сумасшедший». Точно. Вот и Борис Акунин (он же Григорий Чхартишвили) признавался: «Писать никогда не перестану. Я ведь больше ничего не умею!»

25 мая – неврология замучила. Боли, уколы, лекарства.

Света нет в окошке.
Темень непролазная.
Рассвети немножко,
Жизнь ты светозарная.
А она, напыщенная,
Отвернулась разом.
И ушла. Не сыщешь ее.
Ах ты, жизнь-зараза!..

Еще древние говорили: сказал – облегчил душу. А пока записывал в дневнике, пришла толстая медсестра с уколами: «Кого колем?» И не смог поехать на презентацию только что вышедшего журнала «Аккорд».

1 июня – два материала в «МП»: «Фрагменты из жизни Михаила Булгакова» и «Красота и гармония Дюрера».

6 июня – и все-таки доковылял до «Аккорда». В журнале два материала: «Умиравший и вечно живой Лебедь» и «Золотая труба Европы» (Эдди Рознер).

7 июня – в «МП» напечатан Владислав Ходасевич. Печально-безрадостный поэт-классик Серебряного века. Вот и меня, хотя я не поэт и никакой не классик, тянет на какие-то грустно-блезненные строки, типа «Я – развалины Помпеи»... Или вот такие, написанные 29 мая:

Жизнь, как птица, пролетела,
И на небе нет следа.
А когда-то что-то пело,
И сверкало, и звенело.
Ну а ныне – тишина.

17 июля – получил анализы: сахар – 6,1. Многовато. Еще один ровесничек с 1932-го выбыл из игры – бард Юрий Кукин. У него в одной из песен: «Ну что, мой друг, не спишь – мешает жить Париж...»

26 июля – в «МП» – Виктор Некрасов. Эмиграция, печаль, а до него вышел «Ворчун» – «Есть ли секс в СССР», это – развлечение или, говорит молодежь, развлекуха (такой сленг не употребляю). Написал аккуратно и воздержался от цитирования Эдуарда Лимонова: «Девки красивые, девки печальные, / сиськи спесивые, письки нахальные...». «Лимон» – тот еще фрукт!

1 августа – в связи со своим днем рождения Ще подарила мне свою книгу «Повороты судьбы» с надписью «Юрочка, ты – самый главный поворот жизни».

Еще в августе.

Занимался Вальтером Скоттом, Ниной Берберовой. В «МП» вышли «Русский Ницше» (мой любимый Василий Розанов) и два «Ворчуна»: один про погоду, другой с прикольным заголовком «А я люблю Буденного!».

Допечатал Довлатова – 18 стр. Получил гонорар за Столыпина в «Аккорде» (прихоть Сперанского). По какому-то ТВ-каналу рассказывал о Марии Кантемир.

24 августа – в «МП» напечатан Леонид Андреев. А еще суета с получением виз.

30 августа – случайно натолкнулся на книгу про Альпы, и мгновенно пришла идея написать книгу «От Воробьевых гор до Альп». Идей много, но реализовать их не хватает сил...

10–16 сентября. Тур «Классическая Швейцария».

Особенно насыщенным был день 14 сентября: Берн – местечко Грюйер, где делают знаменитый сыр, – Женевское озеро, Монтрё, отель, где жил Набоков, памятник писателю в парке, Шильонский замок – Лозанна – переезд в Женеву.

Маленькое отступление. Не знаю, как читатели, но автор устал от клиповых наплывов данной книги. Романного сюжета нет, как, к примеру, «Домби и сын» Диккенса или «Обыкновенная история» Гончарова. Все дробится, распадается на клочки и фрагменты. Много стихов, цитат из чужих книг и публикаций, и идешь не по асфальтированной дороге традиционного сюжета, а бродишь по лесным тропкам, спотыкаясь на каких-то корягах. А может быть, это новый сладостный стиль? Клип. Крик. Ах. И бабах. Вышло так, как вышло.

И, возможно, кто-нибудь из дотошных читателей заинтересуется судьбой автора, его падениями и взлетами, его поиском и упорством и будет немножечко (словечко из популярной еврейской песенки: «немножечко танцуем») следить за всеми зигзагами и поворотами Ю.Б., сопереживать его жизненным ходам, мотать чужой опыт на собственный ус. Возможен и такой вариант. А кто-то и отложит книгу: «Муть какая-то!» По той причине, что он, читатель, любит ясность и простоту, без вывертов и экзерсисов. Пришел. Увидел. Победил. Но именно победа – самая сложная и загадочная штука. В одной из последних своих песен-баллад Булат Окуджава заключал:

«Где уместны, конечно, утраты и отчаянье даже, но чтобы милосердие в каждом движении и красавица в каждом окне». Красавица – это неплохо, все равно что хорошая книга.

Вернемся в весну и лето 2011 года, к пропущенному и сокращенному. Что не вспомнил, считай, пропало!..

В апреле 50 писателей России (я приглашения не был удостоен: одиночка, вне коллектива и без желания слиться с писательской массой) кучковались в Лондоне. Ольга Славникова жаловалась, что в Лондоне ощутила полное отсутствие интереса к русской литературе. Обидно. Чувствуешь себя недооцененным, неузнаваемым, ощущаешь вакуум...

В апреле шумели все СМИ по поводу 62-летия Пугачевой. Лично меня раздражало и пугало ее чужое лицо, да и говорила она что-то маловыразительное, как тетка Алла Борисовна Галкина. С каким-то внутренним смаком пела: «А я такая, блин, такая-растакая...» Да, не удержалась мадам примадонна на пьедестале. Рухнула...

Эдуард много помогает, делает добра, а я в ответ лишь пишу стишки. Вот последние, на 73 года:

Снова дата подлетела.
Отмечай – не отмечай, –
Будто птичка сверху села.
Что-то спела невзначай...

А далее пожелание, чтоб «в душе звучал орган» (Эд – поклонник Гарри Бродберга).

Пусть играетя токката.
Звук плывет, как по волне.
Наша жизнь совсем не смята.
Мы еще совсем вполне...

10 апреля – выпала полумесячная норма снега, деревья в белых снежных одеждах, улицы в туманной дымке, под ногами лед-вода, а снег продолжает валить. Люди с зонтами перепрыгивают через водяные препятствия. Если Блок в марте 1909 года писал, что «Весенний день прошел без дела у неумытого окна...», то у меня этих дел по горло, хотя, конечно, обилие сделанного – не гарантия успеха.

Апрель и опять уходы: сатирик Павел Хмара, Валерий Аркадьевич Горбунов, который нежно относился ко мне и печатал в своем издании «ЛГ-досье». На пороге 90 лет ушел Яков Аронович Костюковский, он у меня выступал на вечере в ЦДЛ. И рассказывал о буднях советской цензуры, когда запретили фразу из фильма «Кавказская пленница»: «А в соседнем ауле жених украл члена партии». Как это можно?! Члена КПСС!

И еще один уход: Михаил Козаков, он моложе меня на 2,5 года. Прекрасный актер, чтец стихов Бродского, автор «Покровских ворот» (в смысле – режиссер). Актер большого масштаба и личность, нынешним Певцовым и Домогаровым до Козакова далеко...

Апрель-май. Добил Аполлона Майкова. Для рядового читателя (и, увы, возрастного) Майков – это только «Весна! Выставляется первая рама...». А он был поэт более глубокий и пытался открыть секреты:

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов...

После Майкова – Яков Полонский с прицелом для второй книги «Русская классика» (увы, не вышла). И сотворил маленькую «Жизель» (170 лет со дня премьеры одноименного балета). Композитор Адан, сценарий Теофиля Готье, которому приходилось заниматься журналистикой из-за денег, и он считал это занятие «невыносимым и унижительным». Я так не считаю. Не ропщу. Я пишу... Параллельно занимаюсь хроникой 90-х годов. Интенсивная работа на фоне недомогания, лечения и уколов.

Я – развалины Помпеи.
Где-то колет, где-то саднит,
И совсем уже не всадник.
Нет, не Гойя, не Моне.
Разболезненный вдвойне.
Не иду, а ковыляю
И Помпеи вспоминаю...

Короче, шучу, подбадриваю. И никак не вырвусь из эпохи зубов, если выражаться высокопарно.

Раньше был с надеждой, а сейчас я без.
Раньше были зубы, а сейчас – протез.
Ах, какая драма! Пиковая дама!
Спутал бес все карты и теперь – хана!
Нет фортуны рядом –
Гуляет там за садом
И чужому дяде сыпет все сполна...

19 июля – вышел в «МП» «Неистовый Виссарион» (Белинский). «Великий русский революционный демократ», – как писали в советское время. Ныне «демократ» – что-то ругательное и ненужное. «Отрицание – мой Бог!» – часто говорил Белинский. В его тщедушном теле жил неистовый и пламенный критик. «России нужен новый Петр Первый», – мечтал он. Некрасов писал о Белинском:

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел...

Господи, что выходит, что в XIX веке – «дремля и раболепствуя позорно», и картина не изменилась в начале XXI века? Дремлем и раболепствуем... Виссарион Григорьевич умирал в 37 лет от чахотки, медленно и мучительно. Семья жила в долг, денег на похороны не было...

Да, 12 июня был День России, и по этому поводу на Красной площади устроили бесовский концерт для молодежи. В Мавзолее труп Ленина, в Кремлевской стене захоронения, а на площади танцуют, скачут, поют, оттягиваются, не ведая ни этики, ни элементарных приличий... Надежда Бабкина источала восторг по поводу Путина и «Единой России».

И еще разные записи из дневника. 16 июня – расторжение договора с отдачей компакт-диска «Коктейля “Россия”», запись, что финансовых претензий «стороны друг к другу не имеют». Да, аванс давно истрачен... Но какова стоимость аванса? Вот Андрей Малахов выложил, как пишут, 150 тыс. евро за свадьбу в одном из залов Версаля, – это деньги. А мой удел

находить в истории созвучные параллели, к примеру, в 1907 году старый Алексей Суворин записывал в дневнике: «Мои старые идеи, мои старые слова не отвечают больше тому, что около меня действует и говорит. Что мне делать в этом мире? Общество живет автомобилями, механикой, и душа его стала механической...» А спустя 104 года после этого признания мир изменился радикально, кругом электроника, все летает по воздуху – тексты, признания, разочарования и прочие фейсбучные факты из какой-то посторонней жизни. И стон Евтушенко и многих прочих: «Я – не формат!»

И скаламбурим: Кто спорит? Прав старик Суворин...

На затычке моих книг нашел строки Некрасова из 60-х годов XIX века. Классик жаловался:

Пропала книга! Уж была
Совсем готова – вдруг пропала!..
...Ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!
...Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль...

Ничем не закончились контакты и обещания издать дневник в «Русском Зарубежье». Ничем и поход в издательство НЛЮ: они в отпуске...

Также ничем не реализовалась неожиданно пришедшая идея написать пьесу, типа «Варшавской истории», о двух возрастных людях, испытавших снова давно угасшие чувства. Идея пришла и так же тихонечко ушла... Отвлекает конвейерная работа: рубрики и обязательства. А еще чтение прессы: никак не могу изжить сидящего внутри летописца текущих событий. Как не записать строки Тимура Зульф리카рова («ЛГ», 6 июня):

Над Россией веет дым из ада,
А в Кремле витийствует пастух-волк-лицедей...
Блеет малое православное смиренное стадо,
Спасаясь в церковной оgrade,
А покорный народ пожирает лукавая
Пьяная дымная смерть...

Легко представить, как возмущаются патриоты и сторонники нынешней власти таким инвективам. А сами кремлевцы удивляются: оказывается, не все их уважают, а тем более любят. Как кто-то из старых классиков определил тех, кто нами правит, как «властителей поганых».

В июле, в жару, написал строки в стиле Дмитрия Пригова:

Как живут пенсионеры,
повара и пионеры?
Все работают без меры –
Полисмены, воры, мэры,
И нужны еще примеры?
Пашут, жнут и сеют веру,
Насыщая атмосферу?
Но напрасно! Все так серо,
Без просвета, тьма и тьма.

Горько всем пенсионерам,
Поварам и пионерам.
Все смешалось. Кутерьма...

1 августа совпало с уходом жары за 30 градусов и духоты. И стали думать об отпуске. Черногория – не очень привлекательно, Фрайбург – трудно добираться, Швейцария – дорогая. Боденское озеро? И даже рассматривали Будапешт с озером Балатон...

Вернемся в август. В день рождения Ще – 71 год – много звонков. Никуда не поехали. Сидели дома. Вкусно покушали и выпили по лафитничку кошерной водки. Украшение стола – роскошная голландская роза. Подкачало только ТВ: в роли Радзинского выступал Сева Шиловский, Витин приятель, и бездарно. Я был бы лучшим рассказчиком на экране, но после «Дарьял-ТВ» так и не пригасили. Так что мне дать? – если выражаться по-народному. Заявки на программы лежали на столе руководителя «Культуры» Шумакова, и никакого ответа... Лакомые кусочки давно все распределены между своими, а я – чужак, «провинциальный» писатель с Арбата.

4 августа – отвез в «МП» материалы на сентябрь: Теодор Драйзер, Михаил Чехов, Вальтер Скотт и Леонид Андреев (копия из книги «99 имен Серебряного века»). Вдогонку допечатывал Берберову и «Ворчуна»: «Погода благодать или жуть?»

8 августа – на маяковке, на улице Чайнова, в турагентстве купили путевки в Швейцарию – 100 тыс. р., плюс 500 за фото на визы. Замаячили Женева с Цюрихом. Сначала испытали эйфорию, а потом посчитали, сколько еще нужно вложить дополнительно: питание, экскурсии и т. д. И Ще произнесла восклицательную фразу: «Ах, какой ремонт можно было бы сделать за эти деньги!...» Но мы с Ще не ремонтники, не кочегары и не плотники, как пели в советском фильме «Высота», мы – транжиры и прожигатели жизни. Книги, сладкое и что-то из украшений жизни и быта. А ремонт – недостижимая мечта.

10 августа – в «МП» вышел «Русский Ницше» – мой любимый Василий Васильевич Розанов. «Душа озябла» и прочие розановские перлы. Ситуации перед революцией Розанов сравнивал с «Божественной комедией» Данте:

«С диким лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историей железный занавес.

– Представление окончилось.

Публика встала.

– Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Напечатал, не скрою: с удовольствием, Розанова и тут же почти без передыха взялся за Сергея Довлатова (13-го допечатал, 18 стр.).

18 августа – в связи с годовщиной путча газеты полны материалов. В «МК» Юлия Калинина, «Домохозяйка», ехидно написала, что победившая «команда мечты» быстро разбогатела, обнаглела и, грабя народ, пугают, что «опять коммунисты придут». Потом к власти пришла Дримтим № 2 и тоже начала беспредельничать, уже не ради победы над коммунистами, а во имя поднятия с колен великой России. И горькая концовка: так и живем...

А что удивляться? Такова природа любой тоталитарной власти: себе – все, а народу – жалкие подачки...

21 августа – звонок с канала ТВ-3: срочно нужен рассказ о Марии Кантемир. Рассказывал в парке у к/т «Ленинград». Дождичек, я в плаще с шелковым шарфиком из Парижа и лихо говорю о Марии Кантемир, которая мечтала заставить Петра Первого с войском пойти на Восток и вскрыть могилу Тамерлана, – жуть какая-то!.. Но, рассказывая исторические анекдоты и апокрифы, я уже думал о Швейцарии и вечером набросал несерьезные строчки:

Ах, это Цюрих! Там ведь Ленин
Скрывался от российских дурь
И там сидел, склонив колени,
То ль от ума, а то ль от лени,
Не вождь, не лидер, просто куль.
Да что там Ленин! В. Набоков
Млел скромно там, в своем Монтрё!
И озирает суровым оком,
Насколько озеро глубоко,
Наверно, глубже, чем метро...

Все шуточки, конечно. А на серьезе начал выполнять заказ Егорунина о героях Отечественной войны 1812 года и начал с Барклая-де-Толли... А параллельно листал книгу про Альпы, думая о том, что хорошо бы написать книгу «От Воробьевых гор до Альп». Придумщик и мечтатель...

27 августа – надо записывать, а не хочется. Накопился огромный груз усталости. И все же надо зафиксировать для будущего, как оценивали сегодняшний день аналитики и эксперты. Белковский (в «МК», 25 августа):

«Современная Россия» – самое антисоветское государство в мире. Советский Союз строился на идее «единственно верной» идеологии, коллективизме, низком уровне потребления и коррупции. Российская Федерация стоит на полном отсутствии идеологии и тотальной коррупции...

Да, еще на рекламной раскрутке лидера, вождя, «отца нации», который совершает удивительные чудеса: в августе достал со дня моря древнюю амфору, которую подсунили ему лизоблюды-аквалангисты. И народ обмер: амфора! Эффект для дураков...

7 сентября – поехал на книжную ярмарку: испытание ногам и пустые разговоры про книги. Радуют пока газетные публикации: за Вальтером Скоттом вышел Марк Бернес (все прыжки и перелеты во времени и по странам). На День города 4-го купили торт «Прага», от бывшего вкусного торта остались одни воспоминания. Нет кондитеров, есть бракоделы. И горестные уходы: Жанна Прохоренко, Алла Баянова, Ия Савина...

Да, забыл написать, что на ярмарке сотрудники Библиотеки иностранной литературы сказали, что как только бывает okazия, то посылают мои книги в Оксфорд и Кембридж, коллегам-славистам, но до меня никаких откликов не доходит, что очень жаль...

Обычное волнение (у меня меньше, у Ще больше) перед вояжем. «Утешил» Набоков. В письме к сестре Елене иронически сообщал из Штатов: «Обзавелся чудными фальшивыми зубами». Что беспокоит? Конечно, ноги: выдержат ли нагрузку? Глаза плохо видят и у меня, и у Ще. И далее по списку. И тем не менее 21-я поездка за рубеж. Приезжал Э. Привез бумагу под будущие книги со словами: «Здравствуйте, товарищи-писатели!» Молодец.

Итак, летим в Швейцарию в ночь 10 сентября.

А чем примечательным был день 10 сентября в моей жизни? У меня была когда-то попытка в календаре «Морфлота» просквозить по всем городам. Может быть, эта идея кому-

то пригодится, но для этого надо вести дневник и все записывать, а это, как сказал бы Ильич, архитрудно.

10 сентября по годам жизни Ю.Б

1950 – решил уйти из дневной школы № 554 в вечернюю школу рабочей молодежи.

1955 – записался в Ленинку. Строки в дневнике: «Волшебное хранилище книг ошеломило меня...»

1967 – «любовь на стороне» – с Ще в Нескучном саду. Ще мешали высокие каблуки, а мне – гвоздь в ботинке.

1972 – отдых в Софрино в доме отдыха от Радиокомитета.

1978 – ветеранский футбол на стадионе «Серп и молот». Наша тройка, в которую входил я, победила известных соперников: Давидовского, Костроменко и художника Шелушкова со счетом 10:8. Один гол забил и я.

1987 – в к/т «Ленинград» фильм «Скромное обаяние буржуазии».

1988 – посещение выставки «Искусство Берлина за 300 лет».

1992 – в еженедельнике «Щит и меч» (тираж 550 тыс. экз.) напечатан мой календарь о несчастливом дне с цифрой «13».

1994 – на ТВ в программе Анэли Меркуловой: «Слушать историка Безелянского – одно удовольствие».

1996 – коллективный сплав с редакцией «Вечернего клуба» на пароходе «Георгий Димитров» вместе с Бруновым, Шендеровичем, Борщаговским и другими знакомыми персонажами.

1999 – переезд из Франкфурта-на-Майне в Мюнхен в туре по Германии.

2004 – покупка новой куртки в «Реалисте» на Соколе.

2007 – получили визы и все документы для поездки в Сан-Ремо. Занимался Салтыковым-Щедриным.

2009 – выступление в библиотеке им. Тютчева на Чонгарском бульваре. Общее мнение: «Вы подарили нам праздник». В ответ подарили... нет, не цветы, а пирожки с капустой.

И вот 10 сентября 2011-го дорога, начало тура – предвкушение, преднаслаждение перед тем, что впереди. А потом все быстро пройдет и останутся лишь воспоминания. Так что совет: живите в вечном благословении предвкушения, лелейте надежду, мечтайте о том, чего еще нет, а только предвидится в дымке ближайшего времени.

13 сентября – пока был в Швейцарии, в «МП» вышли три материала кряду: Барклай-де-Толли, Иннокентий Анненский и Ворчун – «20 лет после путча». Война 1812 года, поэзия Серебряного века и путч августа 1991 года – заговор путчистов, трясущиеся руки вице-президента Янаева и «Лебединое озеро» на экране ТВ.

17 сентября – Господи, как все быстро проходит: и мы уже дома! Только что вернулись с тяжеленными сумками (холодильник пуст!), и вот сидим вдвоем на Куусинена, на кухне. Ще готовит обед, я долблю по клавиатуре «Олимпии Traveller» – и все это на одном кухонном столе, без четко обозначенной демаркационной линии. Швейцарская сказка закончилась. И наплывы приятных воспоминаний.

Ну а дальше: контора пишет! Без остановки: биографические записки-эссе и небольшой рассказ о поездке по Швейцарии.

25 сентября – «Ваше любимое занятие?» – спросили Карла Маркса, он ответил: «Рыться в книгах». Вот и я постоянно роюсь в книгах, журналах, в газетах. От Паганини («Юбиляры»

для «Аккорда») к Лиле Брик, а от нее к Россини. И думаю про себя: приткий энциклопедист! А еще слепил Ворчуна: «Октябрь и Октоберфест» и нырнул в пушкинскую опору: 200-летие Царскосельского лицея. Работа – не труд, не усилие, а живой интерес. Работа как хобби, как увлечение.

26 сентября – разрулилась политическая интрига, кто следующий президент? Позорно, но миленько прошла корректировочка: Путин – снова президент, а Медведев – в премьеры. И искры от быстрогоходного тандема. Велополитики, и народ с открытыми ртами от удивления. Кирилл Рогов в «Новой»: «Проблема в том, что Путина не любят. Его не любят серьезно и, кажется, уже почти все. Ему предстоит трудная и неприятная часть жизни. Посмотрим, посмотрим, как дело пойдет дальше» (а дальше «Крым наш!» и ура!!! – 13 марта 2020 г.). А о Медведеве Белковский уничтожающе кратко: «Кукольный президент». Наверху большие игры, а у меня – маленькие. Поехал в издательство «Человек» и предложил своему первому издателю Штейнбаху (ах, Рюрик, Рюрик!) несколько заявок на книги. Штейнбах в ответ: будем думать. Все издатели – Чапаи, и все думают, соображают, прикидывают. Ну, прямо стратеги книжного рынка.

2 октября – в два присеста напечатал Ференца Листа – 7 страниц. И пришла в голову идея: сделать двойной портрет: Лиля Брик – Вера Набокова (5-го все сделал – 22,5 страницы). В «Алефе» вышел Камил Писсарро с прекрасными иллюстрациями. Европейский отдых оказался продуктивным. Доедаем швейцарский сыр грюйер, пьем швейцарский кофе и наслаждаемся швейцарским шоколадом с орехами.

9 октября – вчера был прекрасный день, температура аж +21 – сладкий стон бабьего лета.

В «Московской правде» передали мне письмо от читателя Шмарова (в последнее время читательские письма с откликами стали редкостью). О моих публикациях он написал: «Каждое произведение насыщено Вашей заботой и любовью к людям. Спасибо за такое! Не стеснясь, пишу, что, читая строки о Бернесе, я плакал, плакал от любви и счастья...» И что он такое, этот читатель, вычитал у меня, или это просто старческие слезы? И в конце письма: «Будьте здоровы на все четыре ветра и счастливы! Почаще ворчите в МП». Интересно, как слова моих текстов по-разному воспринимаются читателями: кто плачет, кто возмущается и т. д.

И для истории: курс доллара 32,64.

Еще одна утрата: умерла режиссер Лиознова. Тихонова-Штирлица за «17 мгновений» наградили и одарили, а Лиознову почему-то нет. Как точно отметил Мандельштам: «Власть отвратительна, как руки брадобрея...»

20 октября – 13-го заключил договор с электронным издательством «ЛитРес» на реализацию 7 моих книг в электронном виде: «Вера, Надежда...», «Коктейль “Россия”», ЭКСМОВские книги о писателях. И продолжают выходить газетные варианты ЖЗЛ: 7-го – Агата Кристи, 11-го – Нина Берберова, 18-го – Семен Липкин: «Еврей в окопах Сталинграда», Царскосельский лицей, Аркадий Райкин. Сделал новый вариант к 190-летию Достоевского и что-то еще. Не пенсионер, а живая печатная машина. И кручу досье Ломоносова... А Штейнбах определился с книгой о советских писателях.

2 ноября – информационная дробь: в ЦДЛ был плохой вечер памяти Андрея Вознесенского, какая-то невнятица речей и воспоминаний – ушли с половины. 21-го убит, а точнее, растерзан ливийский тиран и диктатор Муаммар Каддафи – настигла кара за все его «художества». Кто следующий?

3 ноября – свое 44-летие отметили с Ще походом на Волхонку на выставку «Парижская школа». А на следующий день запись на ТВ-3 о Вере Холодной.

7 ноября – в «МП» объемная публикация о Достоевском – «Человек есть тайна».

Ездил в редакцию и набрал газет. Постоянный процесс: набираю новые и выкидываю старые газеты. Среди взятых оказался и Денис Давыдов кисти Ю.Б.

Денис Давыдов, поэт-гусар, «питомец муз, питомец боя», организатор партизанского движения в войне 1812 года. Петр Вяземский так определял Дениса Давыдова: «Поэт, рубака, весельчак».

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!..

Если Вуди Аллен мне близкий человек, то Денис Давыдов – очень далекий (мне «служба царская» не по душе). Но мне интересен зигзаг жизни поэта-рубаки. После войны испытал неудачную любовь, женился на другой, куча детей, хозяйственные заботы. Вместо удали и храбрости – покой и безмятежность духа. И вздохи об ушедшем?

Жомини да Жомини!
А об водке – ни полслова!

Кстати, Анри Жомини – военный теоретик, основавший русскую Академию Генерального штаба. Ну, а Денис Давыдов – поэт, гусар, беспечный гуляка, превратившийся в образцового домоседа, скоропостижно скончался на 55-м году жизни – 22 апреля 1839 года.

8 ноября – все время кто-то уходит из жизни. Не обо всех пишу, иначе хроника превратится в сплошной мартиролог. Но вот – композитор Георгий Мовсесян. И две его популярные песни: «А ведь это проводы любви...» и «Мои года – мое богатство...». Н-да, так и хочется воскликнуть: лет много, а богатства мало.

10 ноября – в «МП» «зазвучал» Ференц Лист, а я уже засел за Александра Фадеева.

14 ноября – со Штейнбахом подписал договор на книгу «Опасная профессия: писатель». Но нужен набор, за который, между прочим, надо платить. Эра машинописных стараний прошла, а теперь – электронно-наборных. 25-го получил первую порцию набора (Луначарский, Горький, Тарле и др.), и читается текст иначе, чем на машинке, – весомее и книжнее...

27 ноября – звонок Полевичка: «А как у тебя с памятью?» Жалуется, что в полном раздрыге. Ну, а я в рабочем тоне: напечатал Куинджи и взялся за другого художника – Константина Коровина. Тренинг-тренинг. «Не позволяй душе лениться...»

29 ноября – выступление в библиотеке Вересаева. И «гонорар»: два букета роз – темно-красных и желтых – и коробка конфет. Приехали, а по ТВ-3 Ю.Б. уже рассказывает о Вере Холодной.

10 декабря – грандиозный митинг на Болотной площади «За честные выборы» и «Россия без Путина!». Мы с Ще голосовали за «Яблоко», но яблочники не прошли в Думу. Едино-

росс Неверов надрывался: «На улицы выходят разные немцовы и навалыные, у кого трудовые книжки лежат в Капитолии». Старая история: это Америка мутит воду.

13 декабря – ездил в Плехановскую академию к проректору Гришиной договариваться о выступлении выпускника Плехановки, ставшего писателем. Переговоры были, а выступление так и не состоялось – плехановские импотенты. Лишь вручили альбом-книгу об академии с моими воспоминаниями.

18 декабря – занимался поисками речевых перлов современных политиков – «Цицерон и цицерончики». Черномырдин: «Никогда не было, и вот опять!»

20 декабря – повело на стихи.

Декабрь несносен иногда, когда нет снега, тьмы и лужи...

И далее:

Какой же в городе климат!
И довелось же здесь родиться!
Согреть тут может только мат,
Лавиной грозною излиться.
И ждать, и ждать весенней цвети.
Придет когда-нибудь тепло
В одно из ближних нам столетий.

21 декабря – если не считать рождение тирана Сталина, то обычный день. Лишь неосталинисты пытаются вспомнить это стальное имя. Хорошо, что еще не поют прежние песни, типа «На просторах родины чудесной» Александра Суркова:

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

Или казахская песня:

Ты растил нас, как цветы,
Здравствуй, Сталин, мастер счастья!

До этого еще не дошло, но страна движется в «правильном направлении». Да и новый вождь, водила, не вылезает из ящика. Наш народ исключительно царистский...

Ну, а что я? Клепаю материалы, и все время кто-то подбадривает. Мариэтта Чудакова по телефону: «Вас почитываю, всё вы делаете по делу».

22 декабря – в «МП» «Ворчун» по теме: «Интеллигенция – госпожа или рабыня?» И напомнил читателям, что русская интеллигенция всегда боролась за «либерти» – за свободу, равенство и братство против произвола и насилия власти. И было за что бороться: «Везде бичи, везде железы, законов гибельный позор», – как писал Пушкин. Вспомнил в комментариях

и сборник «Вехи». «Русская интеллигенция не любит богатства» (из статьи Семена Франка). Ну, и никуда без «самоубийцы» Николая Эрдмана – «Литература – это белая рабыня в гареме пролетариата».

А сегодня? Власть старается интеллигентов и писателей превратить в дрессированных зверюшек, стоящих на задних лапках и просящих финансирование (3 августа 2018 г.).

24 декабря – характерные плакаты на митинге на площади Сахарова – «Вова, отойди от больной матери!». Больная мать – это кто? Россия?

28 декабря – небольшое отдохновение – «Джаз под Новый год» в «Аккорде».

31 декабря – как обычно, вдвоем и немного ТВ. Лучшее – Хибла Герзмава и Николай Цискаридзе, остальное – жуть и муть в тумане...

* * *

«Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота», – вздыхал детский придумщик и сказочник Корней Чуковский. В таком положении оказался и я, пытаюсь отразить свою жизнь и то, что окружало меня в 2011 году. Есть полный дневник – 129 машинописных страниц (считай, треть объема книги). То есть Левиафан, и передо мною еще лежат две отдельные сокращенные попытки зафиксировать то ушедшее время. И вот я по этим, скажем, трем источникам делаю, по существу, 4-й вариант для компактной книги за 20 лет с хвостиком, начиная с 2000 года. Бегемот упирается, брыкается, рычит, и я постоянно в растерянности, как лучше представить на читательский суд этот 4-й книжный вариант. Безжалостно сокращая, прессуя, сжимая, что-то выкидываю. Если говорить в музыкальных терминах, то *presto* (быстро), то *fortissimo* (очень громко).

Надорвался и концовку года (ноябрь-декабрь) представил *tempo rubato* – в свободном стиле. Но, глубоко вздохнув, решил все же что-то добавить.

4 ноября – когда по ТВ показывают хорошие западные фильмы, я всегда отмечаю их в дневнике, но для книги опускаю. Но «Гибель богов» Висконти пропустить нельзя. Классика и прекрасная игра актеров. Эсэсовца Ашенбаха играет Хельмут Грим (16 апреля 1932 – 19 ноября 2004, член моего виртуального «Клуба 1932»). Мартина играет Хельмут Бергер (на его счету роли Людвига Баварского и Дориана Грея), в роли Фридриха Брукмана – Дирк Богард, баронесса Софи – шведская актриса Ингрид Тулин. Распад империи и семьи барона Иохима фон Ашенбаха – такова кинофреска Висконти (1969).

8 ноября – в жуткую непогоду, в дождь со снегом, ездил куда-то в тьмутаракань в издательство «Прозаик», где обретается ныне когда-то всемогущий Костянян. Предложил ему издать дневник и «Коктейль», а он в ответ, как по писанному в газетах: Россия превращается в страну менеджеров, охранников, мигрантов и пенсионеров, – и прощайте, книги! Некому их читать...

15 ноября – в «МП» вышел Сергей Аксаков, он родом из древней дворянской семьи со своим родовым именем Ново-Аксаково. Помещик, барин, не то что я, беспоместный, бескаретный и т. д. У Аксакова, небось, имелся переписчик книг, а мне пришлось платить за электронный набор из своих скромных барышей. Аксаков собирал по субботам друзей и потихоньку, без всяких скоростных гонок, вел записи об ужении рыбы. Да, что там говорить и вздыхать...

24 ноября – выступал в кафе на Бутырской у Комраковой, тема: сатира и юмор. Всего пришло 12 человек, но все было мило. Юморил.

Какая-то женщина призналась: «Вы для нас как глоток чистой воды...»

Для них. А для себя? Разбитость и усталость. А потом 24-го выступал в социальном центре на Соколе, и там удостоился фразы: «Какой вы счастливый человек: много знаете, пишете, востребованы...» И, кстати, закончил материал о Фадееве (Сталин в литературе) – 19 страниц с хвостиком.

26 ноября – сенсация: в Москву привезли пояс Богородицы, и к ней очередь поболее, чем в Мавзолей к Ленину. ТВ-каналы захлебываются от счастья. «Новая газета»: «Тошнотворное чудо ТВ». Что происходит со страной, с народом?

30 ноября – получил декабрьский «Алеф» с первой частью о Сергее Довлатове и 70 долларов. Болезненная тема: уходы. Василий Алексеев, штангист, супертяжеловес, 80 мировых рекордов. И это помогло жить? Юрий Карякин, публицист (1931), поэт Владимир Фирсов (1937): «И вряд ли все помнят нас, русоволосых, великих, не умевших жить».

1 декабря – пошел на книжную ярмарку нон-фикшн. Длиннющий хвост в кассу. Стою, мерзну и отчаиваюсь, и тут подлетает какая-то дама: «У меня приглашение, кого провести?» Я кричу: «Меня! Меня! Я старый писатель!» И провела. Очень смешно.

10 декабря – народное кипение-негодование на Болотной площади. И звонок от О. Ю. Я ее спрашиваю, как она относится к волнениям на Болотной, она: «Все суета сует. Главное – вера в Бога!» Вот так расходятся отцы и дети. Я в активной жизни, она с головой в религии. Тут спорь не спорь, а разлом по Никону. Поднял книгу Екклесиаста, глава 4, часть 4:

«Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа!»

А до этих слов идет перечисление и один-единственный ответ: суета. А что не суета? – уже задаю вопрос я: сидеть у окна, лежать на диване и ничего не делать полезного для людей? Далее не комментирую.

20 декабря – идет накат на Путина. А он скалит зубы. Удав Пу – так назвал его Дима Быков. Впрочем, историки разберутся, – как предсказывал Александр Галич.

А тем временем смерть за смертью: Светлана Аллилуева, несчастная дочь тирана и злодея, Вацлав Гавел (75 лет) – умница и светоч демократии и свободы, Ким Чен Ир (70 лет) – маленький северокорейский злыдень, наверное, прямиком пойдет в ад.

27 декабря – Галерея, Гинзбург, заседание художественного совета под водочку и елочку. Маленький очажок интеллигенции, который со временем, естественно, прикрыли (о чем вздыхаю и вспоминаю, спустя годы. – 10 марта 2020 г.). Как кто-то сказал: «Кто виноват? Что делать? И куда бечь отсюда?»

Итоги 2011

28 февраля держал в руках книгу «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках» (1950–1989). Самиздат крохотным тиражом. Книга как маленький флакончик «французский пробник», чтобы запах заворожил.

В СМИ опубликован 91 материал («Московская правда», «Алеф», «Аккорд» и что-то еще). Плюс ТВ и выступления. И приведу маленькое литературное приложение: выдержки и кусочки из некоторых публикаций.

Август, «Алеф» – «Профессор песни» (Евгений Долматовский).

«...Стихи Долматовского я читал, но ничего из них не запомнил. А вот песни, написанные на слова Долматовского, многие пел. И про Лизавету, и про любимый город, который может спать спокойно, и другие популярные и, можно даже сказать, народные песни».

Долматовский – сын своего времени. Он принял сталинское время, жил по его законам, был певцом и одновременно жертвой и пленником той эпохи. Когда шаг влево и вправо – расстрел. Шагать должно только прямо, по указанной дороге и, главное: в общем строю советских писателей и поэтов. Долматовский и шагал, и он отнюдь не Булгаков, не Платонов, не Мандельштам, не Пастернак. В конечном счете он не хотел гореть на костре, как Джордано Бруно, и не помышлял высказывать что-то неодобрительное по отношению к власти, а только горячо одобрял все ее действия, чтобы жилось «спокойно, как за кремлевской стеной» (строчки из его стихотворения).

За год до смерти Долматовский в интервью признался: «Не хочу представляться несчастным, но дерьма нахлебался бочками. Но в итоге прожитые годы оцениваю не со знаком плюс или минус, а со знаком “жизнь”. Ведь говорить о том, что было, если бы было по-другому, – бессмысленно».

«В тридцать седьмом случайно недобитый...» – строчка из Долматовского. Но не террор, так машина сбила старого профессора Литинститута. Евгений Аронович умер 10 сентября 1994 года, на 79-м году жизни.

«Орден Ленина и две копейки – вот и вся жизнь...»

«МП», 24 сентября – Заметки Ворчуна – «А я люблю Буденного!»

«...В Гражданскую войну, когда в смертельной схватке сошлись белые и красные, были созданы мифы о геройстве одних и измене других... О подвигах Буденного слагали песни, писали книги и рассказывали анекдоты. Пышноусого Семена Михайловича спросили, как он относится к Бабелю? Буденный, поглаживая усы, сказал: “Это смотря какой бабель...”»

С неба полуденного жара не подступи,
Конница Буденного раскинулась в степи, –

писал настоящий поэт Николай Асеев. В Гражданскую Буденный был в прямом и метафорическом смысле на коне, а вот потом – озеро Хасан, японцы, Великая Отечественная война, – маршал с пышными усами сдулся. В годы террора Буденный и Ворошилов уцелели, но был момент, когда приехали и за Буденным, он позвонил Сталину и сказал, что будет отстреливаться, и достал старый запятанный пулемет. Сталин дал «отбой», и маршал умер позднее естественной смертью в 1973 году, в возрасте 90 лет.

Французский афорист XIX века Пьер Буаст утверждал: «Несчастлива страна, которая нуждается в героях». И кто прав?

«МП». Рубрика «Книга в Москве», 26 сентября – «Соло на ундервуде» Сергея Довлатова. На двух полосах.

Начало. «Последними словами прижизненной книги Сергея Довлатова были: “Все интересно, что будет после смерти? После смерти начинается – история”.

В случае с Довлатовым – полное признание и канонизация. Из почти “никто” в современные классики. При жизни и не признавали, и многие состоявшиеся писатели смотрели на него свысока, а после смерти все в восхищении: “Довлатов! Это такое!” А дальше фейерверк восклицаний и провал. Ничего не остается, как присоединиться к общему хору...»

Далее главки жизни, творчества и оценкой. «Мытарь», «Таллин. Поиски удачи», «Женщины Довлатова», «Каким он парнем был...». И три «урожая» с Довлатова: «Московская правда», журнал «Алеф» и в книге «Опасная профессия». Не я один прикоснулся и восхитился Довлатовым. Юнна Мориц написала стихи про то, как повстречала Довлатова в Нью-Йорке: «огромный Сережа в панаме идет сквозь тропический зной»:

И всяк его шутке смеется,
И женщины млеют при нем,
И сердце его разорвется
Лишь в пятницу, в августе, днем.
А нынче суббота июля,
Он молод, красив, знаменит.
Нью-Йорк, как большая кастрюля,
Под крышкой панамы звенит.

Сергей Донатович Довлатов умер в Нью-Йорке 24 августа 1990 года от сердечного приступа, за 10 дней до своего 49-летия. В своем творчестве он ярко освещал не героев, а слабых людей, лишних, аутсайдеров, лузеров, у которых неустроенность бытия, туманность будущего, неопределенность замыслов и планов, неясность и сбивчивость чувств...

К себе Довлатов относился с изрядной долей иронии: «Я был и гением, и страшным халтурщиком». Он называл себя просто «строкогоном» и «трубадуром отточенной банальности». Был за ясность и простоту в творчестве и боролся против литературного модернизма и авангардизма, чем козырял, кстати, Андрюша Вознесенский. Но многим иронии, самоиронии, юмора, сатирических нот и немножечко цинизма. Вот только одна выдержка из записных книжек Довлатова:

«Заговорили мы в одной эмигрантской компании про наших детей. Кто-то сказал:

– Наши дети становятся американцами. Они не читают по-русски. Это ужасно. Они не читают Достоевского. Как они могут жить без Достоевского?

И все закричали:

– Как они смогут жить без Достоевского?!

На что художник Бахчинян заметил:

– Пушкин жил, и ничего».

* * *

18 октября в «МП» к 100-летию Семена Израилевича Липкина, поэта, прозаика, переводчика, мемуариста, был опубликован мой материал «Жажда для неуголенного» (в книге «Опасная профессия: писатель» текст обрел другой заголовок – «Еврей в окопах Сталинграда»).

Все мы часто возмущаемся глупостью и тупостью окружающих нас людей (о персонах власти разговор особый). Но среди всей биомассы неразличимых и одинаковых есть небольшая прослойка умных, благородных, начитанных людей, которыми хочется восхищаться. Липкин – один из них.

«Я родился при царе и 8 лет жизни прожил в нормальных условиях», – говорил Липкин. А дальше? «Век сумасшедших мне сопутствовал...»

Многие современники Липкина отмечали его мужество. Сам он говорил: «Безупречным человеком я бы не мог себя назвать. Все мы грешные. Но я старался быть честным. Я никогда не подписывал никаких подметных писем, но не могу сказать, что я активно боролся с режимом».

Нет, Липкин не был диссидентом. О своей позиции он говорил так: «Я не наступал. Я тихо сопротивлялся: полвека писал в стол».

Семен Липкин писал замечательные стихи, но был всегда в тени громких и напористых поэтов-шестидесятников. Не умел пиариться и рекламировать себя. Свою первую книгу издал в 1967 году, в 56 лет:

Я сижу на ступеньках деревянного дома.
Между мною и смертью пустячок, идиомы.
Пустячок, идиомы – то ли тень водоема,
То ли давняя дрема, то ли память погрома...

Бродский точно определит сущность поэтического творчества Липкина:
«Липкин пишет не на злобу дня, а на – ужас дня». Да еще в оглядке на Серебряный век, на Бунина «словесное великолепье».

Семен Израилевич – несмотря на ужасы времени, долгожитель: прожил 92 года.

«“Бойся, грешник, будет кара”, – черный ворон мне кричит». Это строки Липкина из стихотворения «По Эдгару По».

* * *

«МП», 6 декабря – «Джентльмен русской эмиграции» – к 125-летию со дня рождения Марка Алданова.

Его первая книга вышла в 1918 году. Однако русско-советскому читателю Алданов стал известен сравнительно недавно, в годы гласности, а до этого долгие десятилетия был под запретом: эмигрант и матерый враг советской власти. Эмиграцию Алданов определил точно и кратко: «Эмиграция – не бегство и, конечно, не преступление. Эмиграция – несчастье».

Но именно в эмиграции Алданов (Марк Александрович Ландау) стал популярным европейским писателем. Его кумиром был Лев Толстой, но в отличие от великого Льва Алданов строил исторические романы почти как сложные детективные сюжеты, и его книги читались захлеб. Критики называли Алданова скептиком за то, что он предрекал победу варварства, дикости и хамства во всем мире. Но при этом призывал бороться с «черной природой» человека, укрепляя разум и волю, прислушиваясь к сердцу.

В своем последнем интервью, данном 7 ноября 1956 года радиостанции «Голос Америки», Алданов пожелал России освобождения от «бытовой, духовной, политической несвободы», то есть обрести «свободу от страха». С той поры прошло 70 лет, а страх перед властью, перед демократией, переменами довлеет над бывшей советской страной. Нет советской империи, уже другая страна, а страх прежний.

Сам Марк Алданов был абсолютно свободным человеком, благородным и честным, многим приходил на помощь и помогал материально. «Последний джентльмен русской эмиграции» – так определил Марка Алданова Иван Бунин.

А закончу это литературное поурри «Заметками Ворчуна» – чистой публицистикой. Точнее, отдельными выдержками из них. Итак, «Московская правда», 4 февраля – «Мы рабы или не рабы?».

Начнем от печки. 150 лет назад – 19 февраля (3 марта) 1861 года Александр II подписал манифест об отмене крепостного права. «Великий день манифеста, – записал в дневнике князь Владимир Одоевский. – На радости велел принести шампанского и с гостями пил за здоровье государя...»

Неописуемая радость. Однако все было не так лучезарно. Свободу получили 22,5 млн крестьян, но собственниками земли так и не стали. Спустя 15 лет Всеволод Гаршин подвел первые итоги:

Но раны трехсотлетние остались,
Натертые железом кандалов,
Изогнута спина безмерным гнетом,
Иссечена безжалостным кнутом,
Разбито сердце, голова в тумане
Невежества: работа из-под палки
Оставила тяжелые следы...

Выздороветь не успели, а тут революция 1917 года. Новые кандалы несвободы, не крепостнические, а социалистические. Изменились только официальные песни: «Легко на сердце от песни веселой...» Еще бы: паспорта, прописка, трудовые книжки, милицейский надзор и прочее. А главное: страх репрессий никуда не делся.

– Почему мы такие покорные, робкие, послушные? – спросил я у своего школьного товарища, ставшего великим кинорежиссером Андрея Тарковского.

– Как почему?! – воскликнул Андрей. – Мы до сих пор от крепостного права, от рабства никак не отойдем.

Крепостничество, отсутствие свобод, жесткая вертикаль власти, по сути, самодержавие.

Я раб царя. С восхода до заката,
Среди других, свершаю тяжкий труд.
И хлеб гнилой – единственная плата
За стон и пот, за тысячи минут...

Так писал Валерий Брюсов ровно 100 лет назад, в царские времена, в октябре 1911 года. Тогда Брюсов был на стороне народа, а после октября 17-го примкнул к диктатуре пролетариата и запел другие песни. Продал душу дьяволу, и это – старая-престарая история.

И все же мы не рабы. Мы просто никак не можем сбросить с себя бремя рабской, холопской психологии и гогочем, как глупые пингвины, в сказке Максима Горького. А надо садиться за старый букварь и долбить: «Мы не рабы!»

Под конец 2011 года – 12 ноября – другой Ворчун: «Признак жизни в призрачной стране». Комментарий в связи с музыкальным шоу «Призрак оперы».

Когда-то всех пугал «призрак коммунизма», сконструированный Марксом и Энгельсом. Сегодня экономический кризис и череда арабских революций. Растерзанный Муаммар Каддафи – зрелище не для слабонервных.

А что мы? А что Россия? У нас социальная пассивность и гражданская апатия. Да еще генетический страх перед властью (призрак 1937 года и ГУЛАГа). Современная Россия занимает первое место по убыли населения, по числу сирот и беспризорных ребятишек. Ужасающая картина. Прочих «первенств» среди остальных стран мира не привожу. Позор и только...

Как написала поэтесса Лариса Миллер:

А Россия уроков своих никогда не учила,
Да и ран своих толком она никогда не лечила.
И любая из них воспаляется, кровоточит,
И обида грызет, и вина костью в горле торчит...

Иногда власть сквозь зубы признает: «Есть масса претензий к оборзевшим чиновникам». К себе, конечно, никаких претензий: высшая власть вне критики! Чиновник, дворик, гаишник – это другое дело.

Часть вины падает на народ, который отстранился (или его отстранили) от решения мелких проблем. И это есть. Все вокруг родное и одновременно чужое. В итоге в РФ, в нынешней России, извините – в империи ВВП нет ничего настоящего, одна имитация. Имитируется общественная жизнь, политика, институты власти, либерализм, образование, искусство с литературой, футбол, любовь... Все, что есть, все ненастоящее, имитация услуг и выборов. А уж попса и эстрада – это нечто! Как говорят дети: жуть на палочке! Но каждый или каждая из этой жути и дичи с пафосом объявляется как великий или великая. Короче, призрак величия...

Полное отчаяние? Возвращаясь к Ларисе Миллер:

Стараюсь убедить, что даже тут В краю пропащем небеса цветут...

* * *

Допечатал эту страницу, открыл «Собеседник», а там колонка писателя Михаила Веллера со знакомым, но переименованным заголовком: «Мы не рабы. А кто же мы?!»

А в колонке краткая история последних 30 лет, когда в 90-х народ нашел себе нового «хозяина». И спустя годы негодует, бурчит, возмущается, почему власть не меняется. Веллер пишет: «И когда сетуют бессильные массы, говоря “ну, что же делать теперь”, – это расписывание в собственном рабстве. А у рабов всегда найдется хозяин».

Вспомнил своего «Ворчуна», свои заметки, прочитал колонку Веллера спустя 9 лет, достал носовой платок и стал вытирать бессильные рабские слезы, вздрагивая всем телом: доколе?! Доколе?! Да навсегда!..

Швейцария, 2011. 10–16 сентября

9 сентября – с учетом того, что вставать в поездку надо рано, легли в 21 час. Через два часа Ще проснулась и заявила: «Мне плохо!» Что делать? Вызывать врача? Я был готов уже не ехать и сказал об этом Щекастику, мол, гори огнем эта Швейцария! И моя решимость сразу повлияла на Ще, и она взяла себя в руки: «Нет, едем!» Это было преодоление предпоездного страха. Кое-как успокоились и попытались заснуть. А в 2 часа ночи – подъем.

10 сентября – отлет. Цюрих.

В 2:45 сели в такси и за 45 минут домчались до Домодедово. Аэробус 321 швейцарской компании Swissair. Все четко, никаких претензий. В 7:05 взлет, приземление в 10:35 – все по московскому времени, часы, как обычно, не переводил. Из Москвы летели 33 человека по туру, потом присоединились еще 11.

Итак, Цюрих. Швейцарский законодатель мод, как представляют его рекламные проспекты, город с высочайшим уровнем жизни. Неофициальная столица Швейцарии, около 400 тыс. жителей, расположен на пути между Рейном и Альпами. Город, где обитают гномы-банкиры, а в банковских сейфах и хранилищах запрятаны всякие финансовые тайны.

Нас сразу повезли показывать озеро Лиммат, оно явно проигрывает Лугано, какую-то церковь с витражами Шагала. Все аскетично и просто – протестантизм. Поразили башенные часы, самые большие в Европе – диаметром 8,7 м. Ходим, смотрим, первое впечатление: никаких архитектурных красот и изысков Парижа и Вены нет. Все добротно, основательно и без красивых излишеств.

Утомленные дорогой и экскурсией, добрались до отеля «Ренессанс» (в проспекте обещали «Мариотт») на окраине Цюриха. Небоскреб в 24 или более этажей, номер 817. Просторный. Окна во всю стену и, кажется, рядом – протяни руки – горы. Необычно красиво...

Отель находится в новом строящемся районе, и повсюду торчат башенные краны. Вышли из отеля и долго искали-плутали в поисках кафе. Явное неудобство. Первая трапеза: салат, макароны с моцареллой, «бир», кофе – 25 швейцарских франков (на наши 1000 руб.). На обратной дороге нашли магазинчик, закупили йогурты (не чета нашим) и в 21:30 завалились спать. За стеной-окном нас сторожили горы и над ними огромная луна, как круг швейцарского сыра...

11 сентября – экскурсия. Штайн-ам-Райн, живописный средневековый городок на границе с Германией, водопад Райнфаль – самый большой водопад в Европе.

Завтрак – шведский стол, но не столь обильный, как в Германии (банкиры особо не раскошеляются?). По дороге гид Люба не умолкает: о швейцарских коммунах, которые решают все свои проблемы без указов сверху, о швейцарцах, которые честные и открытые люди, о том, как они богаты, но при этом не любят роскоши, и даже о швейцарских коровах, дающих по 30–40 литров молока, и т. д. Самая низкая з/п – 6 тыс. франков (на наши деньги где-то 250 тыс.). С детства детей приучают к хозяйству и ремеслам.

За разговорами о швейцарском чуде подъезжаем к первой остановке – Штайн-ам-Райн. Крохотный городочек (3100 жителей) с маленьким собориком. Но именно тут – истоки Большого Рейна. Далее Шаффхаузен и Рейнский водопад. Ширина 150 м, высота более 20 м, с которой с шумом низвергается вода, и сразу Тютчев: «О смертной жизни водомет, о водомет неистощимый...» Несколько смотровых площадок. Все смотрят, покоренные водной стихией. Встречу с водопадом отметили вкусным мороженым, хотя шампанское подходило бы лучше.

Тут группа разделилась: одна часть поехала в Лихтенштейн (увы, дорого, да и силы надо рационально тратить), другая десантировалась, в том числе и мы, в центре Цюриха. Несколько часов побродили по Цюриху. Ленин в Цюрихе, а теперь вот и мы. Подкрепились томатом-зуппе и прочими рядовыми кушаньями, опять же «бир», и пошагали дальше. Цюрих не Москва, все компактно, по-человечески, по-пешеходному. Шагай и крути головой. Романо-готический собор Гроссмюнстер, XIII–XIV век. Ратуша с ренессансным фасадом, «Дом человека» – проект Корбюзье. Кунстхаус, увы, не посетили. В Швейцарии работали многие художники немецкого Возрождения – Дюрер, Бальдунг, Хольбейн-младший и др.

На трамвае – какая прелесть! – вернулись в отель. Помылись, оделись в отельные белые халаты и наслаждались чаем с пакетиками. И снова в громадное окно просились в гости горы, и светила мерцающим светом луна... Вторая ночь в Цюрихе.

12 сентября – Люцерн, Берн. Утром разбудил какой-то крик «Талибы!». Очевидно, в отеле проводили какое-то учение на случай вторжения афганских воинов-талибов. Но завтрак прошел спокойно, и в 11:05 двинулись в сторону Люцерна (436 м над уровнем моря). Старинный мост Капельбрюкке с деревянной кровлей в венце белоснежных вершин Альп. Фирвальдштетское озеро и прочие «вещи», вызывающие восхищение.

А тем временем нас запускают в парк-музей с прудиком, где установлено изваяние «Умиравший лев» работы знаменитого Торвальдсена. Музей ледников мы не стали осматривать, а вот по зеркальному лабиринту поплутали, где изображение проходящего двоится и троится. Некий загадочно-мистический аттракцион, где легко можно потерять собственное «я».

Люцерн считается архитектурной жемчужиной, и, действительно, все кругом выглядит очаровательно без всяких урбанистических стандартов. Привлекает взор гора Пилатус (2132 м), и верно сказано в путеводителе: «Не удивляйтесь, если вам не захочется уезжать отсюда». А когда был основан этот Люцерн? В 1178 году, где-то ровесник Москвы, но лучше сохранивший свой старый исторический облик.

На набережной посидели в кафе, выпили капучино и съели по кексу. Полюбовались, повздыхали и обратно в автобус, чтобы преодолеть 100 км до Берна через долину Энтлебух. Везде, где проезжали, ровненько, чисто, аккуратно подстрижено, заботливо ухожено, как на

картинке, и кажется нереальным. Нам, русским, непривычно: а где хаос, беспорядок, разгильдяйство, заброшенность и российская бедность с нищетой? Дырявые крыши, покосившиеся заборы, рытвины и овраги? Мусор и грязь? Ничего этого нет и в помине. Все размеренно, спокойно, зажиточно.

Швейцария прошла славный и драматический путь к обретению своей государственности. Изгнав римлян, противостояли агрессии, боролись против Габсбургов, и в 1291 году 3 кантона заключили «вечный союз» и образовали Конфедерацию, затем число кантонов увеличилось до 22. В Первой и во Второй мировых войнах Швейцария соблюдала нейтралитет. Ни в какие чужие страны никогда не лезла – ни в Чехословакию, ни в Афганистан, ни в Сирию. Главное: благо собственного народа.

В 16 часов въехали в Берн, мимо казарменных зданий (не попадайте со стула от смеха: в швейцарской армии насчитывается 780 офицеров). Погуляли в парке, среди роз, не Богатель, но все равно райское местечко. На улицах дома с аркадами на случай защиты от дождя. Магазины, кафе – все для жизни, а не для военных побед.

Берн – столица Швейцарии. Здесь говорят на бернском диалекте швейцарско-немецком – эдакий «берндютч», и девиз горожан: «Главное – не торопиться!», считая, что дела никуда не уйдут.

Любопытен комплекс маленьких фонтанчиков под названием «Пожиратель детей» (1546), гуляя дальше, вышли на Крамгассе, где в доме 42 жил Альберт Эйнштейн. Строгий и простой кафедральный собор. Здание федерального парламента – и никакой охраны. Тут же овощной рынок и детская площадка, где можно поиграть в огромные шахматы. Короче, никакой имперской надутости, выпячивания, величия, гордости, страха и охраны. Депутаты на виду, они с народом и по-настоящему отчитываются перед ним, все депутаты-парламентарии – простые швейцарцы, а не наши «слуги народа», далекие от народа, небожители, заласканные привилегиями и служащие только своему сюзерену-королю-царю-императору. Когда в Берн приезжал Медведев, то его охраняли с машинами БТР, чем швейцарцы были шокированы.

Пока готовили места в отеле, мы гуляли до дрожи в ногах. И, наконец, отель «Аллегро» – относительно новая гостиница за мостом, 205 номер, скромный, но достойный. Немного передохнув, снова на осмотр без всякого автобуса. Венский шницель под пиво добавил силы. Колокольня Цитглоггетурм со знаменитыми башенными часами (XVI век) работы Каспара Бруннера. Поет петух, и дефилируют фигуры медведей и иных сказочных существ. Нагулялись и залегли спать, игнорируя бары и дискотеки. Не тот возраст! А когда-то!..

13 сентября – отказались от поездки за дополнительную плату в Бернские Альпы и курорт Интерлакен. Силы и деньги, где вы, ау?! Без группы самостоятельно провели весь день в Берне. Много посмотрели, но при этом Ще все время причитала: «Такие большие деньги! И ничего особенного. А я так ждала красоты!» Действительно, никакой особой красоты, в этом смысле Швейцария проигрывает Франции, Италии и Германии. Я не скулил, мне было на швейцарской земле комфортно. Потом, нагулявшись, долго сидели на веранде отеля рядом с живописным прудом. Пообщался с какой-то работницей отеля, говорящей на многих языках мира, и даже поцеловал ее в щечку: она заверещала от восторга: ах, эти русские! Какие они экстремалы! Щекастика эта сцена лишь слегка позабавила. Затем снова отправились гулять по вечернему Берну, отдыхали на террасе ресторана «Казино». Заправлялись мороженым.

14 сентября – утром прощание с Берном и отъезд в Женеvu (где-то 170 км). Немного тумана и дождичка. Остановка – Грюйер, какое-то маленькое населенное местечко на холме (1700 жителей). Здесь делают знаменитый сыр «Грюйер». Купили полкило для Москвы, а были бы силы – взял бы с собой кг 10, не меньше. И еще выпили кофе со сливками в деревянном бочонке. Вкуснотища до обалдения!

Далее Шильонский замок на берегу Женевского озера, а в нем тюрьма, где томился в течение 4 лет Франсуа Бонивар. «На лоне вод стоит Шильон», сторонник церковной реформы в Женеве, воспетый за свое мужество Байроном – «Шильонский узник». Не знаю, как замок-тюрьма выглядел раньше, но сегодня в его развалинах нет никакой мрачности. Просто туристический объект. И вокруг разноязычная жующе-пьющая публика со щелкающими фотоаппаратами.

А вот Монтрё – центр швейцарской Ривьеры – весьма впечатлил и даже очаровал, ибо говоришь «Монтрё», а подразумеваешь «Набоков». Набережная Монтрё, конечно, значительно меньше набережной Ниццы, но покрасивее за счет субтропической зелени. И дома на возвышенности, рядом с горами – сочетание старых дворцов с ультрасовременными виллами. Здесь в разное время жили и отдыхали Петр Ильич Чайковский, Лев Толстой, Игорь Стравинский, а еще Гоголь, Достоевский. Мягкий климат зимой и летом, цветущая, благоухающая набережная.

В отеле «Монтрё Палас» с 1961 по 1977 год жил Владимир Набоков со своей женой Верой и сыном Митей. В номере было несколько комнат, и Набоковых устраивала жизнь в отеле на всем готовом: питание, уборка и т. д. Содержать прислугу хлопотно, а так удобно и не надо отвлекаться на бытовые мелочи. Здесь, в Монтрё, Владимир Владимирович писал и занимался своим хобби – охотой на бабочек.

К сожалению, на Монтрё было отведен всего лишь один час времени. На отель только посмотрели и провели несколько минут в маленьком парке у набережной, где в центре на скамеечке притулился Владимир Набоков, задумчивый и печальный. И сделаю отсылку к своей книге «Страсти по Луне» (1999), где к 100-летию Набокова помещено о нем эссе «Как трепет бабочки жемчужной». Революция отняла у Набокова все и «наградила» эмиграцией. На чужбине он часто обращался к теме России. Вот одно из них:

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
От слепых наплываний твоих...
...Ибо годы прошли и столетья,
И за горе, за муку, за стыд, –
Поздно, поздно! – никто не ответит,
И душа никому не простит...

Покинули Монтрё и покатали дальше, мимо городка Веве, где на кладбище упокоились Чарли Чаплин, Набоков, Фредди Меркьюри. Далее в Лозанну, и опять недочеты тура: не увидели местный собор Нотр-Дам, дворец русского графа Рюмина, который завещал свои богатства городу Лозанне. Остановились почему-то у комплекса зданий МОКа – Международного олимпийского комитета. В музей олимпийского движения не пошли, провели время на воздухе. Я болтал с водителем автобуса сербом Зораном, он оказался отчаянным футбольным болельщиком, и я быстро нашел с ним общий язык, вспомнив знаменитых игроков Югославии: форварда Райко Митича, вратаря Франьо Шостарича и других. Зоран был восхищен, а Ще после мне сказала: «Я и не подозревала, что ты можешь обольщать не только женщин, но и мужчин!» Зоран презентовал мне две бутылочки воды, что было очень кстати, все время пересыхало горло.

Ближе к вечеру въехали в Женеву. Неудобная гостиница «Кроун Плаза» в 11 км от центра города, и поэтому всем выдали проездные билеты на транспорт. В номере очень шумит кондиционер и много различной электроники, и пришлось вызывать двух горничных: они при-

шли, опасаясь, что их будут насиловать (двоих сразу?), наслушались про французского деятеля Стросс-Кана, но они остались девственно нетронуты, хотя точно были не девственницами.

15 сентября – уже гид не Люба (ей подарили книгу «Жизнь и гибель принцесс» – пусть находится в Швейцарии, раз не существует такой организации сегодня, как «Международная книга»), а Катя Топоркова классом повыше, никаких ахов и охов, только все информационно и по делу. Экскурсия по Женеве – 3 часа. Женева – швейцарский центр мировой культуры на границе с Францией, и город очень французский (по-немецки говорят с неохотой). Центр средневековой реформации, Жан Кальвин (надо будет почитать о нем), протестант против католиков, никаких излишеств, никаких ювелирных украшений (ювелиры перешли в ряды часовщиков), аскет, поборник равенства – таким был Кальвин и его учение: кальвинизм. Женева лишь в 1815 году вошла 22-м кантоном в состав Швейцарской конфедерации.

Первая остановка на холме Женевского озера. Красивый вид. Дворцы и виллы богатых, в том числе и небогатого Шарля Азнавура. Музей фарфора, цветочные часы, дом, где жил Вольтер. Улица Гранд руе, 40, где родился Жан-Жак Руссо, знаменитый Руссо. Который дал совет полякам после первого раздела Польши: «Не можете помешать тому, чтобы вас проглотили, – постарайтесь хотя бы, чтобы вас не могли переварить».

После экскурсии предложили за 220 евро – на двоих 440 – отправиться во Францию, в ближайшие Анси, Ивуар и Эвиан. И снова отказались, о чем ныне жалею. Остались в Женеве. Ясная, солнечная погода, прекрасный город, только вот бурчит в животе, и бросились на поиски подходящего ресторана, нам подсказали: торговый комплекс «Манор» с залом самообслуживания. Сами выбрали и плотно покушали, и уже веселым шагом отправились к набережной Женевского озера. Сели на катер, переехали на другой берег, а потом обратно. Приятная водная прогулка с бородатым приветливым капитаном.

По возвращении нашли памятник австрийской Елизавете – Сисси, возведенный на месте, где ее убили, что описано в «Жизни и гибели принцесс». Прошлись по элегантным улицам Rue du Rhone, du Marche, de la Croix, где расположены торговые центры, магазины и бутики. Изрядно устали и отсиживались в кафе в уголке какой-то старой площади, с громадной порцией ванильного и еще какого-то мороженого – дорвались... И снова гуляли. Часы кругом: в одной только Женеве 26 часовых заводов. И еще одна особенность: небрежно одетые женевицы, то есть не наряженные, а очень будничные. Может быть, роскошь демонстрируется лишь в концертных залах и на приемах?

Наелись Женовой сполна, устали и отправились к своей «Плазе». Йогурты на ужин – и конец швейцарской то ли сказки, то ли были. Да, забыл упомянуть самую длинную скамейку в Европе – в Берне, ее длина более 100 м, на целый колхоз Михаила Ивановича Калинина. Скамейку увидели и сфотографировали, но сколько знаменитых мест в Швейцарии не увидели: до перевала Сен-Готард не добрались, Чертова моста не видели и к местам знаменитого перехода Суворова не дошли. Что касается живописи, то тут сплошной провал: не видели ни одной из работ швейцарских художников – Арнольда Бёклина, Фердинанда Ходлера, Пауля Клее, примитивиста Адольфа Вёльфли.

О литературе не говорю. В свое время читал и Фридриха Дюрренматта, и Макса Фриша. Швейцарской кухни так и не отведали: ни фондю (хлебный мякиш с расплавленным сыром), ни расклет (тоже с сыром), ни телятину по-цюрихски, ни базельскую мучную похлебку. И вин не дегустировали. Про альпийский туризм вообще молчу. Монблан видели лишь издали. Перевал Сан-Бернардино не преодолевали. Над пропастью не балансировали. Знаменитую фирму «Нестле», основанную в 1867 году, не посетили. И возникает вопрос: а зачем вы ездили в Швейцарию?

Подышали «ароматом денег» – витает в воздухе. Кратко познакомились с несколькими швейцарскими городами. Побывали в Монтрё, у Набокова. А в Женеве посетили магазин

шоколада (такого обилия разнообразного шоколада никогда и нигде не видел!). И разве это мало за одну коротенькую недельку? Будем благодарны судьбе.

16 сентября – подъем, завтрак, автобус. И аэробусом из Женева в Москву. В Домодедово какая-то неразбериха. По песне: «Я милого узнаю по походке». Неорганизованная, неупорядоченная, но надутая величиим РАША, то бишь Россия. И из последнего стиха Быкова в исполнении Михаила Ефремова: «Видны лишь руины демократии и Пугачевой».

Из Домодедово экспрессом до Павелецкого вокзала, далее метро, маршрутка, и дома. Холодноовато, тяжелый воздух. Воздух империи... Пожухлая листва... Впереди гнилая осень...

Заклучение. Небрежный отчет о поездке в дневнике, видно, не было сил подумать, покомбинировать, посмаковать. И на основе дневника чуть скорректированный данный текст. Последняя отпечатка – 20 марта 2020 г.

2012 год – 79/80 лет

*Вот вам Гегель – полистайте,
Вот вам Брейгель – и посмотрите...*

Из песни какого-то барда

Забегая вперед, следует отметить, что 2012 год выдался особенным: 80-летний юбилей – интервью и вечера, пребывание в больнице, и в течение года каждый месяц публикации из подготовленной рукописи «Погода и слово» (увы, книга так и не вышла). И начну не с дневниковой хроники, а с дебютной публикации в «Московской правде» – 14 января – «ПОГОДА И СЛОВО».

ПОГОДА И СЛОВО

Погода и слово взаимосвязаны. Хорошая – мы вслух восхищаемся: «Какая благодать!» Плохая – бурчим, мрачнеем и порой чертыхаемся: «Какая мерзкая погода!» Но правильно ли такое отношение? «Не надо обвинять природу, – говорил английский поэт XVIII века Джон Мильтон, – она сделала свое дело, делайте теперь свое». Но мы постоянно отвлекаемся от дел, ибо прочно связаны с погодой, особенно метеозависимые и метеочувствительные люди в возрасте (молодым, конечно, и море по колено!).

Как утверждал Лион Фейхтвангер: «Чувствительная душа – это роковой дар небес. Тот, кто наделен ею, становится игрушкой стихии: солнце или туман определяют его бытие, направление ветра решает, счастлив он или несчастлив».

Погода, климат – это сфера науки, наблюдение и анализ. Но погода – это еще и компонента, определяющая историю и психологию народа. Как утверждал Александр Пушкин: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» (из статьи «О народности в литературе»). Можно даже сказать, что явления погоды – это катализатор творческого процесса. Сколько картин нарисовано – от «Весны» Боттичелли до саврасовских грачей, которые прилетели. Сколько песен сложено («Ой, мороз, мороз!»), не говоря уже об описании погодных явлений в художественной литературе, а также в дневниках и письмах.

«Когда вступает в спор природа и словарь», как говорил Арсений Тарковский, – тогда на свет появляются прекрасные слова и тексты, вплоть до парадоксальных: «Я живу – который год – в ожидании погод» (Николай Глазков). Вечное ожидание – это уже наша русская ментальность: мы все время чего-то ждем.

Я давно собираю материалы о климате и погоде, и особенно стихотворные строки. Собираю-сбирал, и набралось материала на целую книгу, перефразируя Юрия Олешу: «Ни дня без погоды». Осталось только найти издателя. Надеюсь, что будущая книга заинтересует многих. А пока публикация в газете:

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней молодые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Это – Александр Блок. Вот этих «младых былей» мною собрано великое множество. Будущая книга – это сплав фенологии, поэзии и мемуаристики. Предлагаю испытать хотя бы небольшой глоток из этого коктейля «Погода и слово». Он шипуч и обжигающ.

Итак, Январь.

Январь – начало года, зиме середина. И как писал Булат Окуджава:

Неистов и упрям –
Гори, огонь, гори!
На смену декаблям
Приходят январь.

Как правило, в январе по сравнению с декабрем (речь идет о средней полосе России) – глубже снег, толще лед, морознее воздух. Как говорили в старину: глухозимье.

*Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.*

(Николай Огарев)

А еще январь из-за больших каникул называют Пьянварем: много нерабочих дней и обилие алкогольных возлияний, для отдыха, расслабления и согрева. «Выпьем, что ли? Где же кружка?»

Погода в январе... Но тут следует вспомнить, что существительное «погода» женского рода. Стало быть, погода, как женщина, переменчива, капризна и взбалмошна. Помните, как пел герцог в опере «Риголетто»: «Сердце красавицы склонно к измене и перемене, как ветер мая...» Но и в январе частенько встречаются погодные колебания и шатания то в сторону сильных морозов, то в сторону неожиданной оттепели. Вот на выдержку три дня из разных лет – из моих дневниковых записей. Это по Москве.

1 января. 1989 год – с утра за окном (а это район Сокола) – минус 16. Много снега, который приятно скрипит под ногами... 1991 год – в 12 часов дня 0 градусов. Ясно, солнечно, снег и рядом лужи. Слякотно и противно... 1995 год – вечером за окном +3, с крыш капает и льет, во дворе остатки грязного снега, и в воздухе густо разлит пасмур.

12 января. 1986 – ясно и снежно, –10. 1990 – оттепель сменилась морозом, с утра минус 10, а к вечеру уже –21... 1993 – в 14 часов термометр за окном показывал +4 – новый погодный рекорд? По улицам можно передвигаться только ползком, под ногами лед, лужи и грязь. Свет тусклый и навеивает уныние. 1999 – полуясно, полупасмурно, лег снег, минус 10.

27 января. 1985 – мороз, –10. 1987 – снова мороз, –15. 1990 – с утра +2, лед, лужи, грязь. 1995 – с утра +4, капель, по улице ходить затруднительно – сплошной каток.

Так что в январе бывало по-разному. «Стоял январь, не то февраль, какой-то чертовый зимарь», – восклицал Андрей Вознесенский. Этот «чертовый зимарь» приключился 12 января 2009 года, когда жители и гости Москвы обнаружили, что по улицам просто невозможно идти, скользко до невероятия. Медики зафиксировали, что такого массового поступления в травмпункты по причине гололеда не было с 1981 года: ломались все – от 10 до 80 лет. Газеты переполошились, что ждать от погоды дальше? Все надежды были на «спасительный снежок».

А в середине января 2010 года Европа ушла под воду. Уровень Рейна поднялся до 8 метров. Германию стали называть новой Атлантидой. Вот такие погодные сюрпризы, и с каждым годом их становится все больше. Сюрпризы уже не сюрпризы, а некая данность.

Конечно, лучше, чтобы был в природе раз и навсегда установившийся порядок: зима – так зима, чтобы поэты могли спокойно живописать, как это делал поэт Серебряного века Георгий Иванов:

Благословенные морозы
Крещенские, настали вы.
На сводах – ледяные розы
И крепче стали – лед Невы...

Ну, добавим строки Сергея Клычкова: «И дух такой морозно-синий, / что даже расширяет грудь...», «Крещенская крепчает стужа» – это уже Ирина Одоевцева. Ну, и строки из «Январского сонета» (1925) Глеба Струве: «Морозный день, чуть-чуть туманный, / Щекочет ноздри холодком...» Какая благодать! Но не всегда. Иногда восприятие зимы бывает совершенно иным, как у Анатолия Жигулина:

Холод ползет, как каратель,
В небе месяц бельмом...

Эти строки Жигулин написал в лагере, отсюда и мрачное восприятие природы. А вот – в другие времена, давние, – у поэта-губернатора Гавриила Державина в стихах играл явный восторг:

«В убранстве козырбацком, / Со ямщиком-нахалом, / На иноходце хватском, / Под белым покрывалом – / Бореева кума, / Катит в санях Зима...»

Так теперь никто не напишет. Если брать поэзию Константина Случевского, то он нам поближе, и его меланхолическое ощущение зимы нам знакомо:

«Мало свету в нашу зиму! / Воздух темен и не чист; / Не подняться даже дыму – / Так он грузен и слоист... Мгла по лесу, по болоту... / Да, задача нелегка – / Пересиливать дремоту / Чуть заметного денька!»

У Осипа Мандельштама никаких дремотных настроений, он весь в мучительном ожидании чего-то неприятного и непоправимого:

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок.
От замкнутых я, что ли, пьян дверей?
И хочется мычать от всех замков и крепок...

Эти строки написаны в 1937 году, в ссылке, в Воронеже. А вот отрывок из стихотворения Бориса Пастернака «Январь 1919 года»:

Тот год! Как часто у окна
Нашептывал мне, старый: «Выкинься».
А этот, новый, все прогнал
Рождественскою сказкой Диккенса...

Выкинься – Диккенса! Какая рифма!.. Но кто-то скажет: то классики! А что пишут обычные, рядовые поэты? Какое у них восприятие и какие ассоциации вызывает погода? «Зима,

дороги, одинокий путь, от ревматизма вновь свело колени...» – строки Марины Вирты (журнал «Аврора», 1990).

Но, пожалуй, хватит стихов – в них можно утонуть. Перейдем к прозе. Одна из записей в дневнике императора Николая II. 31 января 1895 года: «Мороз дошел до 14 градусов, но было тихо. Гуляли по обыкновению около получаса...» Последний русский император обычно фиксировал в своих записях температурные отметки, но при этом описывал погоду весьма сжато и скупно (увы, не художественная натура).

Другое дело – Михаил Пришвин, писатель-натуралист: «Какой у снега в этот утренний час бывает аромат! Да, если дома тепло и можно быть сытым, и есть хорошая лампа, то зима куда интереснее лета... Сколько зла, сколько злобы в зиме, столь красивой для тех, кто живет в тепле, и столь ужасной для застигнутого врасплох в поле путника...»

21 января 1917 года. Из дневника писательницы Рашели Хин-Голдовской: «Боже, какие холода! сердце стынет. С Крещения – непрерывные морозы, 22 градуса, а потом 25 и 27!.. Дома топишь, топишь – и все холодно. Дрова страшно дороги – 450–60 рублей сажень... Только и слышно со всех сторон: “Неужели этой проклятой войне конца не будет?”...»

Следует добавить, что тут же подоспела революция и война – гражданская. Бедные люди, жившие в те страшные годы! Мороз, голод и революция – тот еще набор!

Но вот другие времена. 24 января 1937 года Константин Паустовский пишет из Ялты своему знакомому Генриху Эйлеру:

«Мне очень жаль, что Вас нет в Ялте, у моря – на днях выпал густой снег, стоит мягкая приморская зима, много серебра, солнца, блеска и тишины. Перевалы закрыты, мы почти отрезаны от мира. На море – зеленый веселый шторм, из моей комнаты слышно, как ревет прибой и на маяке все время звонит колокол, – над морем мгла. В воздухе пахнет весной... Очевидно, надо переверстать жизнь, вышвырнуть из нее все мелочи, отдохнуть среди друзей, опереться на людей, действительно родных, любящих и чистых. Нужны настоящее содружество, настоящая работа, милые женские сердца и, наконец, природа. Без нее нельзя прожить ни одного дня, и я, главным образом, за то и не люблю Москву, что там вместо природы – слизь, пропитанная трамвайным бешенством...»

Прыжок во времени. 18 января 1940 года Лидия Бердяева, жена философа Николая Бердяева, живущая в эмиграции во Франции, записала: «Вот уже две недели стоят сильные холода с ветром. Около 10 градусов мороза. У нас испортилось отопление, заперли часть дома и мерзнем... Но когда думаешь о фронте, то стыдно делается думать о своих невзгодах, вокруг жизнь будто бы тоже замерзла».

Из дневника Корнея Чуковского. 1 января 1957 года: «Вышел в 5.30 утра на балкон, звезды, как апельсины. Морозно. Снег – как декорация».

У Корнея Ивановича восторг, а Валерий Брюсов в 1909 году испытывал другие чувства и ощущения:

Гуляет, волен и беспутен,
Январский ветер ледяной.

«Загадочная русская зима» – так назвал одну из своих статей в газете «МК» немецкий журналист, корреспондент газеты «Зюдвест» в Москве Штефан Штолль:

«Каждый год одно и то же. С середины января русские ноют о зиме: “Сколько можно?” “Достало”. “Мерзкий холод”. “Авитаминоз”. “Надоела зима”. На такой запрос в Яндексе получишь восемь миллионов ответов. Предлагаются: недвижимость в Испании, секс-туризм в Таиланде, любительские стихи:

Холода! Надоело! Довольно зимы!
И снегов, что покрыли собою весь мир.
Ругань, мрак, нищета коммунальных квартир
И ночей бесконечных мерцание тьмы.

А дальше немецкий журналист рассуждает о том, что русские всё же зиму терпят, а вот немцам русская зима – смерть. «В Германии уже много лет говорят об “исчезновении времен года”. Дождливые серые зимы, дождливое серое лето. Из-за капризов всемирного потепления в последние годы в Германию возвратились морозы и сугробы древних времен. Но в основном лишь на сутки...»

Однако оставим Германию. Мы в России. У нас особый путь. У нас особая зима. Что же касается холода, то, как писал поэт Николай Глазков, мастер парадоксов: «Шебуршит колючий снег. / В стужу и во мраке / Мерзнет белый человек – / Лучший друг собаки».

Ну, и отчаянное стихотворение Дины Терещенко (1915–2008):

Застекли мои окна, стекольщик,
чтоб январские ветры не дули,
чтоб февральские ветры не дули.
Застекли мои окна, стекольщик.
Я сегодня в простуде, в простуде,
я сегодня простудой больна.
Застекли мои окна, стекольщик.
Я в тревоге, и я не вольна
изменить в своем доме печальном
ничегошеньки, ничего...

Зима, январь, ветер, снег. Вроде бы, как сказал классик, «январь-волшебник». Но постоянно от поэтов слышишь жалобы и какие-то звучат претензии, мол, «январчик сопливый / сморкается громко» (Арсений Миронов) и вообще, «В начале января истаяли снега, / Московская зима пообветшала, / А помню, некогда она иной бывала, / И было правильно – морозы и выюга» (Семен Гринберг, из книги «Самиздат века»).

К сказанному подверстаем еще строки современного поэта Александра Щербакова:

Ах, какая зима на дворе:
Снег не снег, а «поэма экстаза».
Жаль, теперь не один, не два «рэ»
Стоит пропуск на лыжную базу.

Все смешалось в нашей жизни: погода, цены, слова и даже футбол.

Перед переходом на систему «осень-весна» наши футбольные руководители советовались с президентом УЕФА Мишелем Platini, а тот ответил: «Это ваши проблемы. Играйте, как хотите. В чемпионате Франции то делались зимние перерывы, то нет. Когда перерывы были, погода стояла как раз теплая, и все спрашивали: вы чего не играете-то? А когда мы не делали перерыва, шли дожди, поля покрывались льдом, и все спрашивали: кто придумал играть в такую погоду? В этом споре будет прав тот, кто договорился с погодой».

С погодой не договоришься. Но есть такая профессия – синоптики, метеорологи, они-то, наверное, знают (или должны знать), какая будет погода? Об этих предсказателях погоды существует много анекдотов. Вот один из них:

В одном государстве решили синоптиков расстрелять за то, что ни один из их прогнозов не сбылся. Привели бедолаг. Поставили к стенке. Прицелились. Вдруг истошный крик: «Постойте! Не надо их расстреливать. Они еще могут принести людям пользу!» Главный обвинитель поинтересовался: «Какую еще пользу? Что вы предлагаете?» – «Предлагаю их повесить. Пусть хоть направление ветра показывают».

Н-да... Черный юмор.

Ну вот, с синоптиками разобрались: они играют в угадайку и не угадывают. Пора подводить черту под январской фенолого-филологической сюитой. А право последнего аккорда отдадим Иосифу Бродскому:

Зимой глобус мысленно сплющивается. Широты
наползают, особенно в сумерках, друг на друга.
Альпы им не препятствуют. Пахнет оледенением.
Пахнет, я бы добавил, неолитом и палеолитом.
В просторечии – будущим...

А каково оно, будущее? Никто не знает – ни синоптики, ни политологи, ни колдуны с ворожеями. Никто, если не считать, конечно, Господа Бога.

Непроницаемым туманом
Покрыта истина для нас, –

когда-то изрек Николай Карамзин. Истина – как будущее, ну, и как погода.

«Будущее укрыто даже от тех, кто его делает», – сказал Анатолий Франс, и с ним нельзя не согласиться. Точно одно: за январем придет февраль.

Сокращенные записи из дневника

1 января – не печатал, отдыхал, смотрел по ТВ концерт Венского филармонического оркестра. Полька «Трик-так», «Голубой Дунай», Марш Радецкого, показывали картинки Вены – благодать. Мы там были, и приятно вспомнить.

4 января – в гостях у Стрижева. Квартира писателя Сергеева-Ценского, набитая раритетами и старыми книгами. Легкая зависть: ничего подобного у меня нет.

6 января – сел за машинку. Думал заняться Лео Бакстом, потом переключился на Александра I, а в итоге занялся Виктором Гюго. И кто-то на ухо: что-то, батенька, вас так шибко шарахает от одного к другому... А по «Эху» чихвостят председателя счетной комиссии Чурова – «бесстыжий, наглый, мерзкий». И от Чурова к власти...

10 января – набросился на вышедшие после новогодних каникул газеты. И снова уходы: художник Михаил Ромадин, постановщик ТВ-бенефисов Евгений Гинзбург на 88-м. Моя ровесница актриса Светлана Харитонова, отец Лии Ахеджаковой – Меджид из Адыгеи, 97 лет. Грандиозная катастрофа с пассажирским кораблем-гигантом «Конкордия» – повторение гибели «Титаника», спустя 100 лет. Правда, жертв меньше. А еще Гена Сперский (1937) из моей бывшей Латиноамериканской редакции. Что можно сказать? Только глубоко вздохнуть.

13 января – ездил в музей Мих. Булгакова и отдал свой дневник о лихих 90-х для вручения Мариэтты Чудаковой. Насиловал телефон, ведя переговоры о своих юбилейных вечерах.

Если не организуешь сам, то ничего не будет. «Ручная работа» (точнее, телефонная), как говорил Володя Вишневыский.

18 января – жалобы в дневнике на самочувствие. Донимают зубы, проблемы с жеванием. Ощущение развалин Помпеи. Да и Ще не лучше. И можно перефразировать фразу Буркова из «Иронии судьбы»: «Мы оба плохо себя чувствуем». И отсюда отношение к личным записям: кажется, что эра дневников закончилась. И не хватает позитива: отвергнут «Коктейль» в «Рипол», никак не проявится «Летний сад», по поводу книги о погоде Вайсман утешает: «Ребята работают!» Должны сойтись звезды, а они – никак...

21 января – в «МП» вышла 1-я часть Лили Брик и Веры Набоковой. По «Эху» развлекаются Быков-Ефремов по поводу сбежавшего с «Конкордии» капитана Франческо Скелеттино – песня о нем и о нашем капитане: «В Ленинграде его воспитали...», «И уж лучше такая скотина, чем отеческая наша путина» и призыв: «Капитан, уходи с корабля!»

23 января – встреча в МГУ с деканом факультета журналистики Засурским (1929) на предмет выступления перед студентами. Начало «высоких переговоров», но, увы, выступление не состоялось: сначала на факультет приехал Путин, потом – Медведев, и при таких именах мое имя потускнело.

24 января – в «МП» почти на полосу вышел «Генсек литературы» – Александр Фадеев. Серьезный материал. А какая серьезная и трагическая жизнь. Любимец Сталина, защищал литературу от недругов и внутренней оппозиции. А потом вождь умер, и Фадеев остался наедине со своей совестью. Лег на диван, обложился подушками и застрелился. В конце материала я высказался так:

«Я полагаю, что это нас, литмладенцев, предупреждал Фадеев тем выстрелом: не живите, как я, не живите! Не проматывайте свои таланты в речах, на заседаниях, в болтовне и пьянстве, не крутитесь, не суесловьтесь, не лижите сапоги вождей, как бы ни были они велики, а сидите за столом, работайте, чтоб не было такого движения, как у меня: от “Разгрома” – честной и долговечной книги, до слащаво-жалких беспомощных главков о “рабочем классе” в “Черной металлургии”, которые лизоблюды тут же начали возносить чуть ли не до масштабов “Войны и мира”».

Фадеевский выстрел прогремел, а большинство его даже не услышали.

Фадеев – не мой писатель, у меня компания другая и многочисленная, от Пушкина к Достоевскому, от Бунина к Набокову, от Бабеля к Вознесенскому и т. д. Ну и, конечно, Байрон, Пруст, Стефан Цвейг, Андре Моруа, Умберто Эко и т. д. А Иосиф Бродский, который в 20 лет писал о том, что «Теперь все чаще чувствую усталость». Какого?

28 января – в «МП» – 2-я часть Лили и Веры. Погода: холод, мерзлятина. В библиотеке на Песчаной прошли первые литературные посиделки (и последние). Все слушали, разинув рты. Только один «товарищ» (очевидно, пенсионер из органов) все пытался перевести стрелки на Сталина и евреев. Пришлось резко его осадить.

29 января – занимался Александром Гладковым – 100 лет! – такой же, как я, бумажно-книжный человек. Горячий поклонник Мейерхольда. Считал себя «протоколистом времени» и вел подробный дневник (опубликована лишь часть). В биографическом словаре приведена одна запись Гладкова от 8 августа 1937 года, где он сравнивал время с эпидемией чумы: «Наша “чума” – это наглое вранье одних, лицемерие других, нежелание заглядывать в пропасть третьих; это страх, смешанный с надеждой “авось пронесет”; это тревога, маскирующаяся беспеч-

ностью, это бессонница до рассвета». Александр Константинович Гладков (30 марта 1912 – 11 января 1976) много читал, писал быстро. Да еще все время сомневался. Словом, много совпадающих черт...

31 января – можно сказать, день настоящего газетчика. Позвонил в отдел культуры «Российской газеты» заведующей Ядвигой и предложил дать отповедь Тамаре Катаевой за ее книгу «Анти-Ахматова» с нападками на Анну Андреевну. Ядвига тотчас соединила меня со стенографисткой, и я продиктовал текст. И он был опубликован 7 февраля под заголовком «Геростраты и геростратчицы». Вот если бы все так оперативно происходило, но нет, чаще процесс печатания тягучий и нудный.

4 февраля – два митинга в один день: в 20-градусный мороз нормальные люди вышли на Якиманку и Болотную площадь, «обманутые и оскорбленные», а на Поклонную – сторонники Пу, которых привезли туда автобусами. На Болотной: «Не замерзнем. Не пропустим». А на Поклонной брызгал слюной Кургиян. Административный ресурс брошен на победу Путина в первом туре.

7 февраля – в МЕОЦе вечер журнала «Алеф», полный зал. Я в героях журнала, по экрану крутили мои фотографии. Выступал, среди прочего рассказал шутку про Бастилию. В школе учительница: «Вовочка, кто взял Бастилию?» – «Марь Ивановна, я не брал!» Родители: «Да, он такой: возьмет и никогда не признается». С блеском выступал солист еврейского ансамбля Евгений Валевиц, подарил мне свой компакт-диск. «Сукно в Европу, сукно в Европу!» А потом был банкет.

По ТВ в программе «Русские сенсации» рассказывали о дружной тройке: Балбес, Трус и Бывалый, как Моргунову и Вицину трудно пришлось в лихие 90-е. Особенно ревновал и завидовал преуспевающему Никулину Моргунов. И я пережил такое со стороны некоторых своих друзей, которым мой творческий успех стал костью в горле.

Радио сообщило о погоде в Москве: –24, на градуснике за балконом: –21. Надоело. Зима тянется и тянется, как не выходят книги. Хоть тресни! Неожиданно умерла Уитни Хьюстон, певица и актриса, шоколадная красавица (фильм «Телохранитель», 1993 г.). Жалко...

К диску Валевица: «Сегодня мы танцуем, немножечко шикарем» добавлю: и много печалюсь.

15 февраля – позвонил в МГУ, Засурскому, итог отразил в строчках:

Я спросил у Ясеня, когда же будет лекция?
Ясень мне ответил, что думают пока.
Старая история. Чисто ретроспекция:
Думают-решают, валяют дурака...

Еще один звонок Вайсману. «Держу в руках вашу книгу». И далее: надо быстро ее продать, вернуть деньги. Делали книгу полтора года, а теперь продать в один миг?

20 февраля – раскрыл «МП», а там – мой Юрий Левитанский. «Жизнь моя кинематограф, черно-белое кино». Нет, иногда и в цвете. А потом Вайсман приехал и привез 40 штук только что изданной книги: «Серебряные трели судьбы. Звезды ретроэстрады Америки, Франции и России». Изд. «Летний сад», тираж 300 экз. А 40 книг в качестве гонорара. И еще передал мне письмо своего старого харьковского друга Рыбальченко, в котором он написал, что книгу «Золотые перья» рассматривает как «своеобразную энциклопедию-путешествие по

стране ПОЭЗИЯ». И в конце письма: «Я искал на книжном рынке другие сочинения Ю.Н., но тщетно...» Разрушена система распространения книг.

22 февраля – одна книга вышла, а другая в виде верстки: «Опасная профессия: писатель» – 586 наборных страниц. Прочитал со спринтерской скоростью. Увы, много ошибок и марашек. А до верстки еще умудрился пролистать три сборника Светланы Комраковой:

Не претендую на шедевр,
Не возношу себя поэтом,
Без выкрутасов и манер,
Пишу... еще легко при этом.

Хорошо, что пишет и откровенничает: «У нас, у дамочек, бывает же так, / так эдак всякий раз, / Когда рассудок уплывает / И все вокруг тревожит нас...»

Но вернусь к своей книге. 31-я по счету. И вспоминаю оператора Грачика, который снимал «Академию любви»: «Слющай, хорошо!»

2 марта – 80 лет! И неожиданный «подарочек» в ночь на 27 февраля: что-то прихватило в районе желудка. Будить Ще не стал и тихо думал: кажется, помру. И что будет потом? Обязательно крематорий, сожжение и урна в колумбарий Ваганьковского кладбища. Или развеять пепел. Не хочу истлевать в гробу. Об этом думал, корчась от боли. Под утро боль утихла и снова захотелось жить и сражаться. Ходить, дышать, печатать, встречаться с читателями, выслушивать мнения. А утром в «МП» вышел мой февраль «Сказки и были февраля». И неприятность: письмо из налоговой инспекции, прийти к ним 1 марта, хорошо, что не 2-го. Пришлось ехать во Дворец Налогов на Тульскую: оказалось, всего лишь небольшой штраф за что-то.

И 1 марта в «Московской правде» вышло интервью Юлии Никольской «Юрий Безелянский: Феномен Успеха». На вопрос, в чем успех, «секрет феноменального успеха»? – ответил: в удаче и кропотливой работе, в сделанном «в стол» Календаре мировой истории. И вспомнил, как на улицах в 90-е годы на стендах висели газеты, и люди припадали к ним, читая с упоением, в том числе и мои публикации. По поводу книг я сказал, что, к сожалению, эпоха Гуттенберга закончилась, началась эпоха визуальная.

Поздравил журнал «Алеф»: «Юрий Безелянский forever!» Позднее, 24 марта: проснулась суперпопулярная «МК» и поместила краткий текст с фотоснимком – «Ловец информационного жемчуга». Интервью брала по телефону Вера Копылова.

Короче, собрал целый словесный букет. В «Алефе» написали, что я для журнала – «наша самая яркая звезда». На стенде в ЦДЛ поместили фото нескольких юбиляров-писателей, в первом ряду – я. Библиотекарша Людмила Федоровна: «Чистый Голливуд». Очень смешно и чуточку щекочет...

3 марта – дома с Ще объявили День тишины, отключили телефон, чтоб не трезвонил. Сидели дома, погуляли немного по роще. Обед с французским коньяком и по ТВ старый фильм «Последний раз, когда я видел Париж» (1954) с молодой Элизабет Тейлор. / И дополнение к дневнику: никогда не знаешь, что будет впереди, а в октябре мы с Ще поехали снова в Париж, и этот парижский тур действительно окажется последним в силу лет и нездоровья – и не только в Париж, а вообще на Запад (23 марта 2020 г.).

6 марта – в воскресенье 4-го были выборы президента: победил, а точнее, проломил Путин. До выборов на Поклонной был в ярости и призывал победить врага у ворот Москвы, враг – это оппозиция. И сбивчиво читал лермонтовское «Бородино», призвал умереть за Рос-

сию, но имея в виду, конечно, себя. Провинциальный чтец-декламатор. В газетах высказывали утверждение, что можно провести выборы, но нельзя провести народ. Эволюция подполковника П. в сторону полковника Каддафи с военно-полицейским бюджетом и ядерной дубиной. О, если бы ВВП прочитал все это сам, но ему подсовывают в папочках совсем иное: хвалебный елей, курят фимиам, от которого кружится голова. Впрочем, что это я разошелся? Он правит, я пишу книги, у каждого свой выбор.

Возвращаясь к 6-му. Ходили в Хрустальный переулок, где ныне находится галерея «Дрезден», там выставка картин Варламовой. Выступил и поддержал. А когда-то в этом комплексе располагалась центральная контора Мосхлебторга, где в общей комнате я сидел среди прочих бухгалтеров магазинов Центра. Проверял бухгалтерские отчеты и читал чужие художественные книги, чтобы потом, спустя 30 лет, прийти сюда же, в Хрустальный, в качестве популярного журналиста и писателя. Неисповедимы пути Господни...

12 марта – побывал на пресс-конференции для журналистов в преддверии книжной ярмарки, ничего особенного, один поток слов. Рядом редакция «Нового мира». Поддался искушению и зашел. Показал главному редактору Андрею Василевскому свой дневник, он полистал и сказал, что, увы, есть сертификационный номер и издать не могут, только рукописи. Но все равно было приятно пообщаться с главным, хотя он, увы, не Твардовский. Василевский с 1955-го, окончил Литинститут, работал в «Новом мире» курьером, а в 1998-м стал главным редактором. У каждого своя «кредитная история». «Новый мир» для меня так и остался непокоренной вершиной (мой Эверест!), но какие-то достижения есть. В Российской парламентской газете в рубрике «Взгляд. Готова ли Россия к демократии?» поместили два интервью – историка, академика Юрия Пивоварова и самодеятельного историка и не академика, человека без степеней, Ю.Б. Выпячиваю грудь...

15 марта – очередная публикация в «МП»: «Великий австриец Гайдн». Великий в музыке, а в жизни 29 лет был подневольным капельмейстером у князей Эстерхази. И зависел от княжеских милостей, вот вам и великий Йозеф Гайдн!

16 марта – чествование с 80-летним юбилеем в галерее «Творчество» у Гинзбурга с большим фуршетом («наливайко», по определению Григория Николаевича). Пришло 30 гостей (рассчитывали на большее). Выступал, по мнению О.Ю., как Жванецкий – весело, с юмором, тем более что «текст» прожитой жизни позволял. Многие захотели высказаться и наговорили кучу определений: единичный, штучный человек-энциклопедист, человек из прошлого с огромным запасом знаний, тонкий и рафинированный эстет и прочее, как говорится, дели на 10. Были юбилейные стихи, конфеты, бутылки вина и шампанского, более 60 роз, два тома воспоминаний Анастасии Цветаевой и т. д. Ну, а мы с Ще выложили 15 тыс. на фуршет, и все остались довольны. И процитирую Игоря Северянина:

Дни, лепестковые как розы!
Вдыхали счастья впопыхах.

Анна Николаевна (Тютчевская библиотека) преподнесла листки с выдержками из интернета из раздела «Книгоеды» – я даже не подозревал, что есть такое (ну, стреляйте меня, – не интернетовский человек!). Некая Галина пишет:

«Недавно приобрела книги Юрия Безелянского “99 имен Серебряного века” и “55 портретов знаменитых писателей Запада”, открыла – и зачиталась. Думала, пригодится для работы, а вот уже неделю оторваться не могу. Потрясающий, образный, свободный, живописный рус-

ский язык, много интересных и малоизвестных фактов, полный охват материала. В общем, замечательные издания!»

А тем временем в «Москвиче» вышла фитюлечка обо мне, под заголовком «Московский календарист». Упомянули – уже хорошо. Но более привлекательной оказалась заметка рядом о какой-то Ольге Тумайкиной: «Я такая в юбочке барышня...» Вот что главное: юбочка, колени. А я при чем тут со своими серьезными культурологическими книгами. Вникать в них – какая скука! А что касается «девочек» моей юности, то многие из них ушли за горизонт. Теперь новые со свежими коленочками.

18 марта – приходил в себя после юбилейных зверств. Дома слушал старые романсы: «Мне бесконечно жаль моих несбывшихся мечтаний...» И вспоминал смешную сценку, как в «Галерею» случайно забрели Половик с Петей. Неожиданно увидели меня и предложили: «Давай выпьем – у нас с собой бутылка». Видение из советских времен: украдкой, от безнадёги, с горя. А у меня – вечер, восторги, фуршет, совсем иная жизнь. И на 2 марта Светлана написала стихи, вот начало:

Юрию Безелянскому

«Новые книги из книг получают» –
Эти слова у Вольтера встречаются.
Но, чтобы книга явилась на свет,
Нужен писатель, прозаик, поэт.
Именно он нам откроет заветное,
Все объяснит про любовь безответную.
Именно автор – вот книги творец,
Мудрый создатель, владыка сердец.

И пожелание:

Радости жизни и радости творчества!
Делать всегда только то, что захочется.
С легкостью тонко изящно шутить.
И с удовольствием радостно жить!

20 марта – заключил договор на издание дневника «Наедине со временем», или «Дневник интеллигента в очках». Лихие 90-е годы. Обратно помог слепой девушке (она – композитор) пройти до метро «Баррикадная». Была такая пьеса или книга «Спешите делать добро!». (И опять же в скобках: через 8 лет сам буду плохо видеть и нащупывать ногой ступеньки... – 25 марта 2020 г.)

21 марта – начал печатать про Беллу Ахмадулину. И пришлось ехать за рано вышедшим апрельским номером «Алеф», а в нем мои воспоминания «Мимолетные встречи со знаменитыми людьми». С Андреем Тарковским и Андреем Вознесенским не мимолетные, а можно сказать, более или менее основательные. Ну, а с другими звездами накоротке, мимоходом, по воле судьбы. Михаил Жаров, Алла Баянова, Алиса Фрейндлих, Геннадий Хазанов, Никита Богословский, братья Вайнеры, Василий Аксенов, Войнович, Римма Казакова и т. д. Не буду пересказывать все эти встречи. Вспомню только начало разговора в Фонде Горбачева с уже экс-генсеком и президентом Горбачевым. Я стоял как вкопанный, а он шел мне навстречу, охран-

ник остался у дверей. И я судорожно соображал, как начать разговор с ТАКИМ человеком. И придумал:

– Михаил Сергеевич, а знаете, мы с вами родились в один день – 2 марта...

Горбачев удивленно вскинул брови:

– И вы тоже?!

Смешно, но это врезалось в память.

22 марта – еще один юбилейный вечер на Старом Арбате, в музее-квартире мыслителя Алексея Лосева. Собралось человек 20 в уютной библиотечной комнате Алексея Федоровича. Накануне я написал стихотворение, прочитал его на вечере и отдал текст музею. «Он был подвижник, нет, фанат, / Фанат свободных, вольных мыслей... / Он видел свет в кромешной тьме. / Он не терял надежд на чудо...» И концовка:

Он – Лосев! Ну, а мы – глупцы,
Не ведущие истины и боли,
Не знающие, где найти концы,
Чтоб вырваться из нынешней неволи.

Когда Лосева, после долгих лет мытарств и непризнания, хвалили, он говорил: «Я великий? Я великая ломовая лошадь».

Еще Маяковский признавал, что «все мы немного лошади». И эти творческие лошади, к сожалению,дохнут. Последний список: Тонино Гуэрра, 92 года, человек Возрождения. Достаточно вспомнить «Амаркорд» с Феллини и «Ностальгию» с Тарковским.

Умер Станислав Рассадин (род. 4 марта 1935), как написал критик Смелянский, у Рассадина был «озноб историзма». И у меня такой же озноб, стремление понять и осмыслить историю, отделить ложь от правды. И опять же, как Рассадин, я радуюсь точному «чужому слову» и стараюсь его сохранить.

24 марта – в гостях у Эдуардо, на дне рождения:

Что может быть лучшим в мире,
Чем цифра «74»?
Еще не старость, силы есть,
Хоть седина, а есть и цветъ.
А если опыт, то тележка,
И можно совершать пробежку.
И ненароком, не спеша,
Обнять подругу, чуть дыша.

Ну и т. д. И последние строки: «Но не суди за сей стишок, / За мною тоже есть грешок...» Господи, сколько строк-посвящений я написал за свою жизнь. Строк много, поэтому так и не стал, в смысле, профи-поэтом.

3 апреля – Марина Тарковская пригласила меня и Володю Боряка в Дом кино на вечер, посвященный 80-летию Андрея Тарковского, а я как раз накануне написал эссе об Андрюше. Полон зал, но почти все выступающие говорили как-то невнятно и плохо, а вот музыка из фильмов Андрея звучала прекрасно и печально: Перголези, Бах, Джон Травор, Артемьев... Отвратителен был Никита Михалков – самовлюбленный и надутый фальшак. Возвращаясь с

вечера, с Боряком говорит о школе, об Андрее, о режиме, который берет нормальных людей за горло.

Мы говорили о том, о чем писал Андрей в своем дневнике: «Нельзя здесь жить. Так изгадили такую замечательную страну! Превратили ее в холуйскую, нищую, бесправную» (запись от 11 августа 1981 г.). И в крайнем раздражении: негодяи! Мерзавцы!..

4 апреля – вечер за вечером, и отправились уже с Ще на свой третий вечер в дом-музей Цветаевой. Пришли лишь 18 человек. Но настоящие. Я больше говорил о своих ровесниках, членах «Клуба 1932», чем о себе, и прочитал стихотворение Евтушенко «Шестидесятники»:

Но все равно мы легендарные,
Оплеванные, но бессмертные!

Евтушенко, Вознесенский, Тарковский – да! Ну, а я, как кто-то определил: «неизвестный шестидесятник». Можно даже сказать: кандидат в... в шестидесятники? В диссиденты? В инакомыслящих?..

5 апреля – после вечера 29 марта кружилась голова, в прямом смысле, а отнюдь не от успехов (успехи скромные). 30-го печатал Джорджа Гершвина. 31-го в «МП» вышел Март в рубрике «Погода и слово», кстати, тираж газеты ныне тоже скромный – 72 300.

Радиокомитетские новости: умерла Валя Юшина, с палочкой еле ходит Левченко, Игорь Кудрин с каким-то нервным смехом спросил: «А ты все пишешь?» Подтекст: пора завязывать со всеми этими глупостями. И все бывшие коллеги-латиноамериканцы давно перестали писать и печатать.

13 апреля – я не сдаюсь. Сочинял про Леонида Пастернака, затем взялся за Паустовского, – все интересно для себя лично, не только для гонорара. 7 апреля в «МП» напечатан Сергей Дягилев, как сказал бы Володя Куриленко: «Это вотще!»

А в «МК» Ал. Минкин разделал под орех неудачного президента Медведева. «Он чеканил слова, как будто и дикция, и артикуляция могут заменить мужество и силу воли. Это был муляж, это было потерянное время». Короче: «Бесславный конец». Горе-правители несчастной России.

О «Димоне» вряд ли вспомнят с сожалением, а вот об ушедшем актере Равиковиче лично я сожалею и вспоминаю с теплотой. Он создал прекрасный персонаж в фильме «Покровские ворота» – интеллигент Хоботов, специалист по книгам и неудачник по быту.

13 апреля – новое для меня издание: Товарищеский переулок, Таганка, редакция «Наука и религия».

Какие повороты и кульбиты я совершил в свой журналистской деятельности: от «Науки и жизни» через «Щит и меч» к «Работнице» и «Крестьянке», под «Огонек», мимоходом в «Крокодиле» с остановками в «Космополитене», в «Woman» и в «Капризе» – прямехонько в «Науку и религию». Словом, этапы большого журпути. И просятся слова Владимира Набокова: «К Богу приходят не экскурсии с гидом, а одинокие путешественники».

«Что мы можем сказать о Боге? Ничего. Что мы можем сказать Богу? Всё» (Марина Цветаева).

Познакомился с главным редактором – Ольга Тимофеевна Брушлинская. Знает меня еще с «Вечернего клуба» и давно хотела познакомиться. Посмотрел я журнал (тираж что-то почти 70 тыс. экз.) и что-то там себя не увидел. Но узнал, что в нем печатался Юрий Карякин. Это успокоило.

16 апреля – Наталья Лайдинен (поэтесса, окончила МГИМО) переслала интервью со мной «Книжный человек Ю.Б.», которое вышло в Германии в сетевом издании «Зарубежные задворки». «Он настоящий эрудит, спокойно ориентируется в книжном мире и в море исторической информации, блестяще владеет навыками систематизации материала. Продуктивность его поражает...»

На вопрос, есть ли сходство с кем-либо из писателей, я ответил: «С драматургом Александром Гладковым. Родственный мне человек: он любил читать энциклопедии и словари, был домоседом, всю жизнь много работал, вел дневники, создавал жизнеописание близких ему по духу людей. Гладкова называли “Эккерманом при Мейерхольде”. Только вот я ни при ком».

18 апреля – закончил маленькую биографию Михаила Нестерова – 8 стр. Евгению Рейну посулили премию «Поэт» и 50 тыс. долл. И сразу весело вспомнилось, как однажды на Соколе он попросил дать ему денег, ибо «на пельмени не хватает». Теперь хватит?

20 апреля – была Библионочь, и Алла из «Совпадения» уговорила меня поехать в Некрасовку, привезла и отвезла. Выступил, слушало человек 25. Преподнесли 9 бледно-розовых тюльпанов.

А накануне, 19-го, в «МП» вышел Иван Ильин, а сколько лежит и ждет своей очереди. По этому поводу написал «Стенания в связи с невыходом написанных опусов». Только кусочек:

Все материалы мои как на складе
Лежат принаряжены в полном параде, –
И тишина. Где крик и где звяк?
В тиши пребывает отец Пастернак,
Борис проскочил, Леониду не дали...
И тихо мерцают газетные дали...
Статьи не выходят.
И где же Гюго?
Возможно, он с Беллою бродит.
А Лотман? Он любит кого?
В «Московскую правду» совсем не заходит.
Пропал и Давыдов. Гусар и Денис.
С Любовью Орловой неужто подвис?
А автор хотел получить гонорар
За свой, как казалось, божественный дар.
Увы. Все отложено.
Будет? Не знаю.
Душа заморожена.
Возможно, до мая...

Юмор и легкая насмешка помогают переносить все жизненные трудности. И несколько высказываний для облегчения души писателя.

«Книга должна быть топором, пригодным для того, чтобы вырубить море льда, которое застыло внутри нас» (Франц Кафка. Из дневника).

Польский культуролог Кшиштоф Теплиц (1933): «Рекомендовать кому-нибудь книгу – все равно что предлагать поносить ботинки, которые вам не по ноге».

Из журнала «Пшекруй»: «Каждый человек читает такого Бальзака, которого заслуживает».

Ну как, полегчало?

23 апреля – поехал на Академическую за версткой «Опасные профессии: писатель». Более 600 стр. Интересно, информационно, с налетом печали. Около 60 портретов-эссе, в начале – «Буревестник, пойманный в сети» (Максим Горький), «Многоликий нарком просвещения» (Анатолий Луначарский) и в конце Лев Лосев и Сергей Довлатов. Все герои были уже представлены ранее в разных изданиях, кроме, пожалуй, Демьяна Бедного – «Поэзия и лакейство». Примечательная и колоритная фигура: в первые советские годы купался в славе. Луначарский отмечал: «у нас есть два великих писателя: Горький и Демьян Бедный, из которых один другому не уступает».

Во как! Советские классики! Только вот бывший фаворит Демьян (1883–1945) ныне в полном забвении. Его ранние пламенные призывы «Мир торгашей и богачей / Напором пламенно разрушим...» ныне воспринимаются нелепо. Старый мир разрушили, новый строили-строили (и социализм, и коммунизм), а в итоге получили увесистый мир новых торгашей, богачей, олигархов и нуворишей, покой и богатство которых тщательно охраняют полицией и национальной гвардией, не говоря уже о личной охране. Выходит, Демьян Бедный зря старался, воспевая справедливый мир рабочих и крестьян. Россия снова поделена на богатых и бедных. Нынешние власти только изображают борьбу с бедностью и нищетой. И оборву на самом интересном месте... (28 марта 2020 г.)

2 мая – дни бегут и бегут. На эту тему даже импровизировал:

Поезд мчится, поезд едет, поезд тащится...
За окном проплывает, пролетает и мелькает.
Что-то важное. Но нету остановки.
Не сойти и не сбежать...
Поезд сам внезапно встанет, будто вкопанный,
Или сразу под откос – ну, и опа-на!

Сам на себя удивляюсь: почему так мрачно. И еще:

Не надо печали. Не надо тоски,
И так уже жизнь захватило по горло.
Мечты и надежды разбиты в куски,
И ясно одно. Согласись: не поперло!
Но хватит об этом. Пойду я к подушке
И буду дремать...
Нет сил ни на битву, ни на борьбу.
Лишь тихо в углу про себя: бу-бу-бу...

Прочитал эти строки Ще, она в недоумении: ведь вроде все хорошо – печатают, выходят книги, грех жаловаться. Вроде да. Но тем не менее. Барахлит механизм здоровья, и это угнетает. 80 лет – не шутки.

И мелкие обиды донимают: была программа у Волгина «Игра в бисер», посвященная Флоберу. Все несли какую-то околотитературную чушь, видно, никто никогда не занимался Флобером и не сформулировал, что такое боваризм. Я бы смог. Но меня не пригласили. Но с другой стороны: я не в тусовке, не встречаюсь, не общаюсь, и отсюда: «неизвестный шестидесятник», неизвестный литературовед...

4 мая – два события: закончилась эпопея новых окон – стеклопакетов немецкого производства. Шум-гам-тарарам. «Ну не дают работать!» – как не вспомнить возмущение Банана.

Второе событие: в Домжуре чествовали ветеранов войны, и к Дню Победы подверстали два юбилея: гроссмейстеру Юрию Авербаху – 90 лет и Ю.Б. – 80. Собралось человек 40–50, в основном люди с орденами и медалями. Среди них я чувствовал себя мальчишкой, бойким журналистом-писателем. Поздравления и разговоры шли под выпивку и закуски. Многие фронтовики разомлели, глаза загорелись, и пошли тосты за Победу и за Сталина! Неужели эти старые люди так ничего не поняли про вождя и генералиссимуса? И только один ветеран высказал истину: «Палач! Сколько людей угробил!» Но его сразу прервали, мол, собрались на праздник, а не для дискуссий.

Вела стол секретарь Союза журналистов Москвы Людмила Щербина, женщина-камень. И как командир: «Где Хваткин?» Хваткин встал из-за стола. «А ну-ка, расскажи, как воевал?» И Хваткин не очень хватко рассказывал... Подняла Щербина и меня: «Послушаем замечательного писателя Юрия Безелянского, который печет книги, как пирожки». Писатель-пекарь тоже послушно встал. В довершение встречи всем вручили пакеты от Министерства обороны. А я получил еще грамоту от Союза журналистов «За большой вклад в развитие отечественной журналистики и в связи с юбилейной датой» и три розы...

5 и 6 мая – печатал про Роберта Фалька для «Алефа», 10,5 стр. А в майском «Алефе» опубликован «Костюмер Шахерезады» – Лев Бакст. Интересно, как это я переключаю некий тумблер и пишу то о литераторах, то о художниках. Разные области искусства. А потом неожиданно божественные звуки музыки. Это что, профессионализм?

7 мая – инаугурация нового-старого президента. Незабываемая телевизионная картинка, снятая с вертолета сверху: пустынная, зачищенная Москва. По которой двигается кортеж – глянцеви́тая черная машина, похожая на катафалк, в сопровождении эскорта мотоциклистов. Оди́нокий Путин без народа. «Имперская мощьность инаугурации» (Дондурей). «Высокоо́дичество» (Мельман). И тот же Ал. Мельман в «МК»: «Есть монарх, царь, немного сподвижников, а остальные все – подданные... Мы здесь никто, сидите у своего “ящика”, когда понадобится, то вас позовут... В Москве миллиардеры, рестораны, небоскребы, а дальше – тишина». И только в залах Кремля без преувеличения визг счастья верноподданных, и запомнился крик «Ура!» взбодора́женной певицы Надежды Бабкиной. Артисты, телевизионщики, министры, чиновники – вот и вся свита. И это не Париж, где простые парижане высыпали на улицу и приветствовали Франсуа Олланда, сменившего Николя Саркози на президентском посту. Там выборы. А у нас божественное назначение...

И знак небес: катастрофа широко разрекламированного самолета «Суперджет». Белковский откликнулся в «МК» 12 мая: «Самолет невозможно сделать, где правит тандем Распи́льщика и Охранника».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.